

Осеннее солнце ярко пылало над головой, когда Ли Яньцю остановил коня у Зала Высшей Гармонии. Вечерний ветерок развеивал знамена по обе стороны от него.

— Да здравствует Ваше Величество! — армия Черных доспехов отдавала честь, падая перед ним на одно колено в сотрясающей землю демонстрации.

Се Ю и Цай Янь медленно направились к дворцу, а Ли Яньцю остановился перед ступенями, задумавшись. В тот момент ему показалось, что он... что-то почувствовал.

— Хорошая работа, — сказал Ли Яньцю.

Черные доспехи расступились, подобно приливам и отливам, оставляя проход открытым, и Ли Яньцю вошел в главный дворец. Цзянчжоуский императорский дворец пережил немало испытаний, но после ремонта и преобразования стал еще более роскошным, чем Сычуаньский. Евнух вышел вперед, чтобы развязать накидку Ли Яньцю, после чего тот продолжил идти по коридору.

Чжэн Янь и Лан Цзюнься уже прибыли. Проходя мимо Восточного дворца, Ли Яньцю заглянул внутрь и увидел, что Лан Цзюнься сидел в коридоре и играл на своей флейте. Он не встал, чтобы поклониться, даже когда Ли Яньцю проходил мимо.

— Это было утомительное путешествие, — Ли Яньцю не обратил внимания на Лан Цзюнься и просто сказал Цай Яню. — Иди отдохни.

Цай Янь следовал за ним сзади.

— Завтра на рассвете наступит благоприятный час, когда мы должны принести жертвы небесам. Тебе, дядя, тоже надо постараться лечь спать пораньше.

— Пусть у нас и новый дом, но я, как и прежде, буду принимать лекарства. Не беспокойся.

И вот вместе с другими слугами Восточного дворца Цай Янь поклонился Ли Яньцю и ушел.

Во Дворце Вечной Осени* Му Цзиньчжи красила брови перед зеркалом. Одежда, украшения и косметика тоже были доставлены, и служанки открывали и проверяли каждую коробку по очереди.

* Дворец Вечной Осени — это дворец императрицы, и иногда это слово обозначает императрицу, так же как «Восточный дворец» обозначает наследного принца.

— Кто на этот раз подействовал вам на нервы, Ваше Величество? — Му Цзиньчжи с улыбкой смотрела на Ли Яньцю в зеркале, приподняв бровь.

— Никто конкретно меня не досаждал, — ответил Ли Яньцю, стоя позади Му Цзиньчжи. — Какими бы зоркими ни были ваши глаза, иногда вы можете ошибаться.

Му Цзиньчжи отложила заколку и сказала:

— Поступил запрос на набор приближенных во дворец наследного принца. Мы должны получить список кандидатов после гражданских экзаменов, и пусть он выбирает столько, сколько захочет.

Ли Яньцю учтиво ответил:

— Спасибо, что не забыли об этом и взяли на себя труд, Императрица.

Им почти нечего было сказать друг другу, поэтому, как только Ли Яньцю закончил говорить, он вышел из комнаты. В зеркале Му Цзиньчжи закатила глаза, глядя ему в спину.

Ли Яньцю вернулся в спальню и посмотрел на чистое небо за окном.

Под верандой сидел Чжэн Янь и просил слугу открыть для него ящик в поисках вина.

— Чжэн Янь, — слегка нахмурился Ли Яньцю. — Почему ты все еще здесь?

— Наследный принц презирает меня, Ваше Величество, — учтиво ответил Чжэн Янь. — С появлением Улохоу Му у меня больше нет необходимости видеть, как он закатывает на меня глаза. Разве мы с ним не будем счастливее, если не будем видеть друг друга?

— При виде Улохоу Му у меня кровь закипает, — так же дружелюбно ответил Чжэн Янь Ли Яньцю. — Все вы четверо, великие убийцы, порочны — из того, что я сейчас вижу, кажется, что У Ду, наименее успешный из вас, наиболее честен. Я все думаю, не отравил ли он вас, и поэтому вы трое стали такими.

Сейчас эти слова, по сути, оскорбляли Чжэн Яня вместе с остальными. Один брат Ли был острым, как лезвие, а другой — парчой со скрытыми иглами. Чжэн Янь давно разгадал нрав Ли Яньцю и знал, что тот в ярости.

Чжэн Янь сразу же сказал:

— Простите меня, Ваше Величество. Я сейчас же отправлюсь в Восточный дворец.

Только когда Чжэн Янь ушел, Ли Яньцю испустил протяжный вздох.

— Ваше Величество, пора принять лекарство.

Дворцовая служанка принесла ему лекарство, и Ли Яньцю взял его, не глядя, выпил и небрежно выбросил во двор. Чаша из цветной керамики с тихим треском разлетелась на миллион осколков.

— Вот это да! — Дуань Лин наконец-то прибыл в свой новый дом.

В поместье канцлера У Ду и Дуань Лину выделили дом, расположенный всего в улице от главного здания. По сравнению с их старым жилищем на окраине поместья в Сычуани, их новый двор был намного больше: четыре постройки, двое ворот, стена призрачного образа и задний двор, где можно было держать лошадей. Им даже выделили управляющего и двух слуг, чтобы они всегда были под рукой.

Во дворе был рокарий и пруд, а за прудом — бамбуковая роща. По краям были посажены персиковые деревья, а в пруд впадал тихий ручей, вытекающий обратно по зигзагообразному водостоку. Бамбуковые трубы были установлены на вершине стены, а сама вода бралась из главного поместья канцлера.

— Господин канцлер сказал, что вам следует пока отдохнуть, — сказал управляющий. — Искупайтесь и смойте с себя дорожную пыль. Сегодня вечером будет банкет в честь вашего возвращения.

— Можешь идти. Не нужно нам прислуживать, — сказал У Ду управляющему в переднем дворе.

Дуань Лин зашел внутрь и посмотрел то туда, то сюда: их новый дом был убран шелковыми парчовыми покрывалами и ширмами, а резные окна отбрасывали на стены витиеватые тени, напоминая ему о Калине. И даже декоративные изделия были сделаны из селадона. В комнате был кабинет, где он мог заниматься.

Управляющий осторожно помог У Ду войти в комнату.

— Слушаюсь.

Управляющий, похоже, предвидел, что У Ду такое скажет, поэтому он просто остался во дворе, но уходить не собирается.

Дуань Лин остановился, чтобы подумать, а затем сказал управляющему:

— В доме господина У хранится секретная информация об обществах боевых искусств, и здесь

слишком много ядовитых веществ. Он опасается, что это может случайно поранить тебя и других слуг, поэтому не стоит оставаться здесь, в доме при дворе. Если нам что-то понадобится, я пойду просить помощи в поместье канцлера. Можешь идти.

Управляющий кивнул и, отвесив поклон Дуань Лину и У Ду, ушел.

У Ду и Дуань Лин могли разговаривать только в отсутствие посторонних — иначе они могут погибнуть, так и не разобравшись, как и за что.

— Здесь даже есть деньги! — произнес Дуань Лин в соседней комнате. — Двести таэлей золота!

Дуань Лин уже написал отчет о сокровищах из Тунгуань. Теперь, когда у Му Куанды целая гора золота, Дуань Лин даже не знал, что канцлер собирается с ним делать. Если его потратить, то хватит на покупку целого города. На самом деле эта награда — не такие уж большие деньги.

Но Дуань Лин все равно был очень рад. По крайней мере, им больше не придется каждый раз питаться лепешками.

Сидя в комнате, У Ду сказал:

— Если хочешь что-нибудь поесть, я схожу и куплю тебе.

— Сиди на месте. Не двигайся.

Дуань Лин зашел с постельным бельем в руках и, сказав У Ду, чтобы тот отодвинулся, положил на его кровать еще одну подушку.

У Ду посмотрел на Дуань Лина и произнес:

— Если ты будешь спать в этой комнате, я буду спать на полу. Вот здесь, рядом с кроватью. Так я смогу обеспечить твою безопасность.

— Ты не боишься, что я растопчу тебя насмерть, когда встану ночью за водой? — с улыбкой произнес Дуань Лин.

У Ду вспомнил, что именно это он сам говорил несколько месяцев назад, и вдруг нашел это очень забавным. Оба посмеялись.

У Ду сказал:

— Позволь мне сделать это.

— А ты не можешь просто слушаться меня? — серьезно сказал Дуань Лин.

— Ладно, ладно, — ответил У Ду. — Но ты должен занять меня чем-то. Я ранен, но я же не калека.

У Ду действительно было не очень приятно, что Дуань Лин так его опекает, но дело не в личности Дуань Лина, а в том, что за все годы его жизни о нем еще никто так не заботился.

— Тогда искупайся, — сказал Дуань Лин У Ду.

У Ду поднял руку и понюхал свой рукав, после чего его лицо залилось краской. Дуань Лин вышел из комнаты и позвал слугу, чтобы тот принес им воды.

Молодые слуги внесли огромную бадью и поставили ее в угловой комнате. Затем они принесли ведро за ведром горячей воды, а потом холодную, чтобы остудить ее.

— Я могу помыться сам, — поспешно сказал У Ду.

— Раздевайся, — ответил ему Дуань Лин и вынес грязную одежду У Ду на задний двор, где бросил ее в таз. Он набрал воды и замочил в ней одежду, а затем вернулся в дом, чтобы поискать чистые вещи. На этот раз Му Куанда нашел подходящего человека: управляющий, с которым они познакомились ранее, оказался очень внимательным, а Дуань Лин почему-то забыл дать ему небольшое поощрение.

Вскоре пришел Дуань Лин со свертком свежей одежды и, засучив рукава, начал оттирать У Ду. На его руке все еще были намотаны бинты, которые не должны намокнуть, и он пытался мыть себя одной рукой. Когда он увидел вошедшего Дуань Лина, румянец на его красивом лице проступил до самых ключиц.

Дуань Лин прижал У Ду к себе и вытер его со всех сторон. У Ду не мылся с той самой ночи, когда получил те травмы. И сейчас, когда его левая рука опиралась на край бадьи, широкие и сильные плечи и спина находились над водой, позволяя Дуань Лину мыть его так, как он хотел.

— Только не упади. Эй, не надо, не надо, не надо, не опускайся ниже!

Бадья была огромной, и Дуань Лин наполовину наклонился в нее. У Ду чувствовал, что Дуань Лин действительно пытается отмыть его до блеска, но, увы, его руки продолжали двигаться по всему телу, поглаживая его, и У Ду больше не мог этого выносить.

Дуань Лин сказал:

— Подними немного ногу.

У Ду вдруг нашел Дуань Лина весьма забавным, и в порыве игривости обхватил его одной рукой и притянул к себе. С плеском вода залила пол вокруг бадьи.

Дуань Лин сердито произнес:

— Почему ты!

Дуань Лин промок насквозь, а щеки У Ду залил румянец. Он засмеялся.

— Давай, иди мойся. Я уже закончил.

Дуань Лин сказал:

— Ты слишком грязный. Не двигайся.

Дуань Лин развязал халат, снял мокрую одежду и штаны и забрался на У Ду, обнажив свои бедра. Когда он это сделал, в его сердце поднялось непередаваемое ощущение. Такого он еще не испытывал ни разу, даже когда прикасался к У Ду кожа к коже.

Лицо Дуань Лина тоже начало пылать румянцем, он словно вернулся в ту ночь, когда был еще ребенком, в ту ночь, когда увидел тело Лан Цзюнься через оконное стекло. Но когда он стоял перед У Ду, его сердце билось еще быстрее, словно за слоем тонкого шелка пряталось необычайно новое и волнующее чувство, которое только и ждало, чтобы до него дотянулись.

— Почему ты замолчал? — напротив, У Ду снова пришел в себя. Опираясь рукой на край бадьи, другой он погладил бледную спину Дуань Лина, глядя на него с вопросительным взглядом.

— П-просто так, — нервно произнес Дуань Лин.

В этот момент У Ду, казалось, тоже что-то понял, и его глаза расплылись в улыбке.

Дуань Лин что-то тихо напевал и, не поднимая глаз, продолжал протирать тряпкой грудь У Ду.

Снаружи комнаты раздались шаги, и У Ду и Дуань Лин перестали двигаться.

— Эй, приятель, разве ты не задолжал мне чашку вина? — негромко произнес Чжэн Янь.

Дуань Лин был удивлен — он никогда раньше не встречал Чжэн Яня, поэтому решил, что кто-

то из канцлерского поместья ворвался в их дом. Но У Ду обхватил Дуань Лина за талию и притянул его ближе.

Не останавливаясь, Чжэн Янь продолжал идти к ним и открыл дверь в угловую комнату. Как только дверь открылась, У Ду обнял полностью обнаженного Дуань Лина, заставляя его прижаться к своей груди и уткнуться головой ему в плечо.

Когда Чжэн Янь вошел, он увидел, как У Ду обнимает молодого человека, и они вместе моются.

— Чжэн Янь! Ты вообще понимаешь намеки?! — нетерпеливо воскликнул У Ду. — Убирайся отсюда!

Чжэн Янь разразился безудержным смехом. Он поспешно закрыл дверь и произнес:

— Продолжайте, не сердитесь на меня, пожалуйста. Я действительно такого не ожидал.

У Ду ответил:

— Подожди снаружи. Хватит с тебя.

Дуань Лин поднял голову только после того, как шаги Чжэн Яня стали отдаляться, а до этого он прижимался к У Ду, оба были обнажены. Он чувствовал, как бьются их сердца, а то, что у них между ног, так сильно набухло, что стало твердым.

Они стояли лицом друг к другу, слегка запыхавшись, и У Ду приложил палец к губам, изображая, что нужно продолжать мыться. Дуань Лин сглотнул и расчесал волосы У Ду.

— Теперь все, — тихо сказал Дуань Лин и вышел так быстро, что чуть не поскользнулся на полу.

— Осторожно.

У Ду протянул руку и обхватил Дуань Лина за талию, чтобы тот устоял на ногах.

Дуань Лин быстро вытерся и надел штаны. Румянец исчез с его щек. Он помог У Ду выйти из бадьи, чтобы обтереть его тряпкой, но, когда опустился между ног У Ду, сухая тряпка натолкнулась на стоящую у него мощную эрегированную вещь, и они оба снова покраснели.

У Ду накинул на себя халат. Его раны почти зажили, и он уже мог ходить, слегка прихрамывая. Надев пару деревянных сандалий и волоча ноги, он пошел через веранду, проходя мимо Чжэн Яня в главный дом за одеждой.

— Так быстро? — сказал Чжэн Янь. — Я же не спугнул его, да?

У Ду выплеснул ругательства в адрес Чжэн Яня, испугав Дуань Лина, который все еще находился в угловой комнате, так как он впервые слышал, чтобы У Ду изливал такой поток брани. Вскоре к нему вновь приблизился звук деревянных сандалий, и У Ду медленно пошел обратно, чтобы передать Дуань Лину чистые вещи, в которые он собирался переодеться.

Как только они оделись, слуги вернулись, чтобы забрать бадью. Волосы босого и облаченного в один лишь халат У Ду, прислонившегося к кушетке, все еще были влажными. Он поднял левую руку, чтобы Дуань Лин сменил ему повязки, а затем начал с Чжэн Янем прерывистый разговор.

— Мои раны еще не до конца зажили. Ты пей свое вино, а я буду пить лекарство, — безразлично бросил У Ду и поднял чашу с лекарством в сторону Чжэн Яня в знак благодарности.

Чжэн Янь даже не знал, что ответить. Он пробормотал про себя:

— За последнее время я слышу это уже второй раз.

Конечно, У Ду знал, откуда Чжэн Янь только что пришел и с кем общался, поэтому не собирался задавать вопросы, но и не представлял ему Дуань Лина — просто делал вид, что в этом нет необходимости. Чжэн Янь долго ждал, разглядывая Дуань Лина, и в конце концов уголок его рта приподнялся в улыбке. Он поднял бровь на У Ду. Ты собираешься представить меня или как?

У Ду поспешно ответил:

— О чем тут говорить? Зачем ты сюда пришел?

— Меня зовут Ван Шань, — без всяких вопросов представился Дуань Лин. — Приятно познакомиться, Чжэн-сюн.

Чжэн Янь оглядел Дуань Лина с ног до головы, облокотившись о стол, стоящий на полу.

— Ты мне кого-то напоминаешь.

Не глядя друг на друга, У Ду и Дуань Лин на мгновение замерли.

— Похоже, он и впрямь чем-то поразительно похож на твою будущую тещу, — вдруг разразился безудержным хохотом Чжэн Янь.

У Ду впал в ярость и взревел:

— Убирайся отсюда!

— Кто твоя тёща? — спросил Дуань Лин.

— Принеси мне Гельземий, — холодно ответил У Ду*.

* *Gelsemium elegans*, широко известный как инфаркт-трава. Это действительно яд, но в мифологии именно это растение в конечном счете убило культурного героя, покровителя земледелия и медицины, одного из Трёх Великих Шэнь-нуна во время его экспериментов, когда он пробовал каждое растение, чтобы узнать его эффект.

Чжэн Янь взмахнул рукой, давая понять, что больше не будет шутить на эту тему. Он объяснил Дуань Лину:

— Жена Хуайинхоу, принцесса Дуаньпин.

В голове Дуань Лина промелькнула мысль, и он с улыбкой спросил:

— Чем именно похож?

Чжэн Янь поднял руку и провел пальцем по уголку рта. Дуань Лин понял, что уголок его рта напоминал губы принцессы Дуаньпин.

У Ду холодно ответил:

— Я даже не могу передать, как я не выношу эту Яо Чжэн. Даже не вспоминай о ней при мне.

— Когда ты собираешься присоединиться к Восточному дворцу? — безразлично ответил Чжэн Янь. — Наследный принц как раз сегодня говорил о тебе.

Услышав это, У Ду легонько сжал руку Дуань Лина пальцами, давая понять, что ему не стоит волноваться.

— Легко досталось, легко ушло, — ответил У Ду. — Конечно, он будет думать обо мне, раз уж Улохоу Му сбежал. Похоже, ты не слишком хорошо ему служил, Чжэн Янь.

— Он не сбежал. Он уже вернулся. Вернулся за день до того, как мы отправились в Цзянчжоу.

У Ду немного удивился, но, если подумать, этого и следовало ожидать.

— Он не в фаворе? — спросил У Ду.

Чжэн Янь покачал головой.

— Не уверен. Не похоже.

— Что за прошлое у этого пройдохи? — сказал У Ду. — Я никогда не мог понять, почему покойный император терпел, чтобы кто-то вроде него ходил за ним по пятам.

Сердце Дуань Лина заколотилось в груди: он понял, что У Ду задал этот вопрос от его имени. Чжэн Янь и Хуайинхоу в хороших отношениях, поэтому у него могла быть внутренняя информация, о которой императорский двор еще не знает.

И действительно, Чжэн Янь ответил:

— Улохоу Му принадлежит к сянбэйской фамилии, к тому же это фамилия императорского рода.

У Ду молчал, поигрывая чашкой в руке.

— Я слышал о прошлом Безымянного от Хуайинхоу. После того как столетие назад империя Сянбэй Улохоу была разгромлена Великой Чэнь в трех последовательных войнах, они переселились в горы Сянбэй, в основном скрывая свою личность, сменив имена и став охотниками. Около двадцати лет назад Чэнь и Юань устроили небольшую войну в горах Сянбэй.

— Война в лесу Чан, — сказал Дуань Лин.

— Верно. Война в лесу Чан.

Чжэн Яню было немного любопытно, что Дуань Лин действительно знает об этом, но он не спрашивал.

Вместо этого Дуань Лин ответил:

— Я читал о той войне в хранилище меморандумов канцлерского поместья.

Он не придумал эту историю на ходу: во время учебы в поместье канцлера перед отъездом в Тунгуань учитель заставил их с Му Цином написать аналитическое эссе о войне в лесу Чан.

Это была особенно ожесточенная битва.

— Он партнер Му Цина по учебе, — небрежно отметил У Ду. — Не придирайся к ученым, Чжэн Янь. Грамотеи всегда чем-то занимаются.

— Угу, — согласился Чжэн Янь. — Это правда — с учеными шутить не стоит. Случайно обидишь одного, и он может написать сочинение, в котором навсегда заклеят тебя.

Дуань Лин засмеялся.

Чжэн Янь продолжил:

— Во время битвы в лесу Чан Чэнь и Юань использовали горы Сянбэй в качестве поля боя. В период между наступлением монголов и отступлением ханьцев, а затем контратаками ханьцев и отступлением монголов партизанская война унесла жизни слишком многих из оставшихся представителей народа сянбэй. По всей видимости, в тот год Улохоу Му было всего восемь лет*.

* Лан Цзюнься старше Дуань Лина на 19 лет (по его словам), поэтому ему 34 года. По данным Чжэн Яня, ему 28 лет. Предположительно, Чжэн Янь не располагает верной информацией, потому что если бы он был прав, то Лан Цзюнься было бы 12 лет на момент, когда он сопровождал Дуань Сяовань в Жунань, а это лишено смысла. Другое предположение в том, что Фэйтянь пытался сделать противопоставление «Лан Цзюнься потерял семью в 8 лет» и «Дуань Лин приобрел Лан Цзюнься в 8 лет» и не задумывался о математике.

— Его деревня была разрушена? — спросил Дуань Лин.

— Возможно. Мастер боевых искусств по имени Ли Синь, работавший под началом генерала по умиротворению Цинь Чжао, спас Улохоу Му, когда войска были выведены, взял его в ученики и привез в Шаньдун. Генерал Цинь написал письмо Хуайинхоу, чтобы сообщить ему об этом, но тот лишь упомянул о ребенке и не назвал его имени. Поэтому все эти годы никто не знал, как на самом деле зовут Улохоу Му.

— Я знал только, что его звали Безымянным, — сказал У Ду.

— Верно, — Чжэн Янь налил себе чашу вина и продолжил. — После этого Цинь Чжао погиб в битве при Шанцзы. Прошли годы, и однажды ночью в Школе Закаленного меча Ли Синя произошла резня. Всех, кто там был, убили за одну ночь, а один из учеников ушел с Циньфэнцзянем. Зал Белого Тигра послал кого-то выследить его, ты же знаешь. Этот негодяй был в бегах, пока не обрел покровительство покойного императора и не стал его подчиненным. Покойный император владел Чжэньшаньхэ, и любой убийца, пришедший из Зала Белого Тигра, не мог послушаться обладателя Чжэньшаньхэ. Это правило, переданное нашими предками.

— Пока поблизости есть Улохоу Му, — сказал У Ду, — я не собираюсь присоединиться к Восточному Дворцу в качестве сопровождающего. К тому же они смотрят на меня свысока.

Чжэн Янь вдруг расплылся в улыбке.

— Прошло несколько дней, но теперь я вижу, что ты изменился. Может быть, теперь, раз ты женился и обзавелся новым домом, тебе пора остепениться и больше не выходить из себя?

— Чжэн Янь, даже если я не смогу отравить тебя, мне не составит труда сделать так, чтобы ты не мог говорить в течение трех месяцев.

Чжэн Янь встал на одно колено и лениво поднялся на ноги.

— Скучно — и когда же ты приедешь во дворец?

— Я ранен. Не могу передвигаться. Не буду тебя провожать, — холодно ответил У Ду. — Время покажет. Не приходи так часто, если это не по делу. Не хочу, чтобы ты затащил меня в трясины вместе с собой.

Чжэн Янь понимающе ответил:

— Долго ты не продержишься, сам знаешь. Зачем тогда напрягаться?

У Ду серьезно произнес:

— Как и говорил. Я не буду тебя провожать.

Чжэн Янь только кивнул, улыбнулся и вышел из дома. Дуань Лин проводил У Ду взглядом, тот кивнул ему в ответ, и Дуань Лин встал, чтобы проводить Чжэн Яня на улицу, где тот сел на лошадь и уехал. Бэнь Сяо, однако, ждал у ворот, очевидно, привезенный Чжэн Янем. Дуань Лин завел его в конюшню на заднем дворе, нашел ему место и погладил по голове.

— Он пришел от имени наследного принца, чтобы узнать, что ты собираешься делать, — сказал Дуань Лин У Ду.

— Ты знал? — удивленно спросил У Ду.

Дуань Лин кивнул.

— Вероятно, наследный принц велел ему привезти Бэнь Сяо, пока он здесь.

У Ду погрузился в долгое молчание, откинувшись на спинку кушетки в одной из сторон комнаты. Он выглядел спокойным и уравновешенным, но между его бровей пролегла легкая складка.

Есть вещи, которые Дуань Лин никак не мог понять, и он не спрашивал об этом У Ду по дороге. Теперь же, когда Чжэн Янь заговорил о Лан Цзюнься, для него тоже всплыло кое-что из прошлого. Например, приказы, оставленные отцом, Лан Цзюнься, который замаскировался под кучера в Шанцзине, привез поддельного наследного принца, когда стране грозила катастрофа, и тем самым нарушил планы Му Куанды... Яд, который он подсыпал в еду в тот день, после чего бросил его в реку, но потом зачем-то оставил его в живых, когда они столкнулись в Тунгуань. Он даже сражался с Хэлань Цзе до последнего, чтобы обеспечить его безопасность.

— Помню, когда ты только спас меня и привел домой, ты упомянул, что я был отравлен Спокойной смертью. Что это такое?

— Яд, который позволяет человеку «угаснуть». Тот, кто был отравлен, не может говорить, не может думать, его разум мутнеет, как у трупа, словно в ложной смерти. Если не принять противоядие в течение двадцати четырех часов, то остаток жизни он проведет как ходячий труп.

Дуань Лин почувствовал внезапную схватывающую боль в груди.

— Тогда, возможно, он не хотел меня убивать.

У Ду посмотрел на Дуань Лина.

— Возможно. Но вполне вероятно, что он хотел превратить тебя в труп без собственных мыслей, который лишь подчинялся бы его приказам. Возможно, ты был бы ему полезен, если бы он держал тебя рядом.

— Откуда взялся этот яд? — Дуань Лин не мог не спросить из любопытства.

— В древние времена некоторые использовали этот яд, чтобы контролировать императора или важных чиновников. Например, если какой-нибудь важный чиновник на границе с большим влиянием становился слишком могущественным, настолько, что ему нельзя было просто дать умереть, его временно сдерживали с помощью Спокойной смерти, и только после того, как цель отравителя была достигнута, от тела избавлялись.

Сам факт существования противоядия подтверждал, что Лан Цзюнься на самом деле не пытался избавиться от него. По крайней мере, тогда он не пытался этого сделать. Дуань Лин уже не в первый раз пытался понять причину тех событий — может быть, Лан Цзюнься отравил его, чтобы защитить, и бросил в реку, чтобы на следующий день прийти и спасти его? Но эта идея граничила с выдачей желаемого за действительное. Если он и дальше будет верить Лан Цзюнься, то единственным правильным вариантом будет назвать его глупым, поэтому он и не

расспрашивал У Ду о яде все это время.

— Когда он был в Тунгуань, он не хотел меня убивать, — добавил Дуань Лин.

— Если бы он убил тебя, то Тунгуань, несомненно, погрузился бы в хаос. С тех пор как он увидел нас вместе, он не спускал с тебя глаз. Было совершенно очевидно, что мы с тобой отправились в Тунгуань для выполнения задания, и, если бы он не выяснил, что мы задумали, прежде чем пытаться убить тебя, это не только вызвало бы подозрения, но и, скорее всего, разрушило бы планы канцлера Му. Иногда их сторона должна идти навстречу планам Му.

— У него было два шанса убить меня, — хмуро произнес Дуань Лин, — но оба раза он меня отпустил. Один раз на горе Циньлинь, а второй раз на стене в Тунгуань.

У Ду начал чувствовать себя удрученным, но он не смел бросаться на Дуань Лина, поэтому в ответ лишь хмыкнул

Дуань Лин наверняка был самым тактичным наследным принцем Великой Чэнь... нет, самым тактичным наследным принцем, которого когда-либо видел мир; понаблюдав за У Ду, он понял, что ему не нравится оправдательная оценка, которую Дуань Лин дал Лан Цзюнься, и не стал задерживаться на этой теме. Он достал мазь и нанес ее на голеностоп У Ду. Травма лодыжки почти полностью зажила. Нужно было подождать еще немного, и она больше не будет мешать ему при ходьбе. Но если он хочет свободно бегать по крышам, ему придется еще немного передохнуть.

— Ты сердишься?

— Что? Нет-нет, я не сержусь, — беспокойно ответил У Ду.

Дуань Лин пощекотал ступню У Ду, пока наносил мазь, и У Ду произнес:

— Прекрати!

Дуань Лин все еще пытался дразнить его; щеки У Ду начали краснеть, но он ничего не мог сделать с Дуань Лином — он не смел ударить его, поэтому все, что он мог, это откинуться на спинку кушетки и кричать. Наконец, не выдержав, он опрокинул их, схватил Дуань Лина и прижал его к себе, взяв в руку оба его запястья. Оба разразились хохотом.

Дуань Лин сразу же сказал:

— Больше не надо! Хватит!

— Ты посмеешь сделать это снова? — У Ду крепко держал запястья Дуань Лина и тихо

произнес ему на ухо. — Не заставляй господина У преподавать тебе урок.

Дуань Лин посмотрел на У Ду, и на лицах обоих проступил слабый румянец, глаза Дуань Лина сверкали, а сердце трепетало, как рябь на пруду. Тогда У Ду отпустил его и помог нормально сесть, оба чувствовали себя немного неловко, не зная, что сказать. К счастью, кто-то постучал в дверь, и У Ду спросил:

— Кто там?

Дуань Лин бросился открывать дверь, но Му Цин уже ворвался внутрь, громко восклицая:

— Ван Шань! Я ждал тебя целую вечность! Где ты был?!

Прошло немало времени, поэтому, увидев Му Цина, Дуань Лин очень обрадовался и бросился к нему, чтобы обнять. Внезапно вспомнив, как У Ду говорил о его бессердечии, Дуань Лин украдкой посмотрел на У Ду — и обнаружил, что тот тоже наблюдает за ним. Он почувствовал себя немного неловко из-за того, что тот заметил его взгляд.

— Мы ездили в Тунгуань, — сказал Дуань Лин.

Он вопросительно посмотрел на У Ду, после чего тот сказал:

— Заходи.

Может, они и жили в поместье канцлера, но хозяином этого двора являлся У Ду. Только получив разрешение У Ду, Му Цин снял обувь и зашел в дом.

Дуань Лин поставил на стол чайные принадлежности Му Цина и вскипятил воду для чая. Но, как и прежде, сначала он подал чай У Ду. Му Цин не возражал и с улыбкой сказал Дуань Лину:

— Мне сказали, что У Ду ранен, поэтому они не уверены, придешь ли ты завтра в школу, и попросили меня подождать. Я не мог сидеть на месте и решил зайти к тебе.

— Как ты поживаешь? — спросил Дуань Лин.

— Даже не упоминай об этом... — Му Цин только и мог, что жаловаться. — Мне было ужасно скучно.

Дуань Лин взглянул на У Ду.

— С завтрашнего дня Ван Шань будет заниматься с тобой. Все будет как прежде.

— Ты придешь сегодня к моему отцу? Папа сказал мне спросить тебя. Это просто семейный ужин. Там будет не так много людей, и пить не будут.

Дуань Лин посмотрел на У Ду, понимая, что им не удастся отвертеться. Они должны четко доложить Му Куанде о своем возвращении.

У Ду ответил:

— Мы должны были навестить его, когда приехали. Канцлер не стал винить нас за сегодняшнюю задержку, так что, конечно, вечером следует прийти.

Му Цин внезапно счел происходящее довольно странным — казалось, что У Ду стал намного вежливее после этой поездки. Он больше не выглядел так, будто у него глаза росли из макушки, всегда смотрел на людей снизу вверх и на все отвечал недовольным ворчанием, как раньше.

— Тогда я пойду и скажу ему об этом, — ответил Му Цин. — Я буду ждать вас с наступлением сумерек в павильоне на окраине поместья.

Дуань Лин попытался встать, чтобы проводить его, но Му Цин помахал ему рукой, давая понять, что в этом нет необходимости, и сам вышел из дома.

— Думаю, канцлер Му будет спрашивать меня о многих вещах, — сказал Дуань Лин. — Я просто беспокоюсь, что, если он будет задавать слишком много вопросов, я себя выдам.

У Ду взмахнул рукой.

— Не волнуйся. Можешь на меня рассчитывать. Я отвечу за тебя.

У Ду опустил руку на кушетку и встал, а Дуань Лин ушел искать одежду, чтобы переодеться. В поместье канцлера позаботились о том, чтобы подготовить для них первоклассные наряды. Как говорится, встречают по одежке. У Ду был в отличной форме, да и высок ростом; в халате из высококачественной парчи из Центральной Шу, с подвязанными рукавами мастера боевых искусств, он чувствовал себя совсем другим человеком. А Дуань Лин тем временем надел халат из темно-синего шелка и сиял, словно прекрасный отполированный нефрит.

Но у него по-прежнему не было подвески на поясе. Дуань Лин смотрел на талию У Ду, затем поднял взгляд на его лицо. Когда-нибудь, когда я верну нефритовую дугу, я должен прикрепить к нему половинку «Величественной империи».

— Что такое? — У Ду уставился на Дуань Лина, не в силах оторвать от него взгляд.

— Ничего, — с улыбкой произнес Дуань Лин. — Пойдем.

Чжэн Янь вернулся в конюшни заднего двора дворца верхом на лошади. На улице было уже темно и туманно, близились сумерки и моросил дождь. Цай Янь ужинал, а рядом сидел Лан Цзюнься.

— Ну что? — спросил Цай Янь.

— Я поговорил с У Ду.

Чжэн Янь тоже сел за другой стол в комнате. Он взял чашку с холодным чаем и сделал глоток.

— Насколько я могу судить, он, скорее всего, не хочет присоединиться к Восточному дворцу. Я уже вернул ему Бэнь Сяо.

Цай Янь ничего не говорил, продолжая молча жевать свою еду.

— В доме У Ду живет какой-то парень, — добавил Чжэн Янь. — Его зовут Ван Шань — должно быть, это тот самый посланник, которого канцлер Му отправил в Тунгуань. Если Ваше Высочество намерены оказать У Ду благосклонность и предоставить ему такую возможность, вам придется обратить внимание на этого юношу.

Цай Янь утвердительно хмыкнул. Снаружи охранник объявил:

— Ваше Высочество, он здесь.

— Скажи ему, чтобы он, пожалуйста, вошел, — сказал Цай Янь.

Услышав, как Цай Янь произнес «пожалуйста», Лан Цзюнься слегка нахмурился и обратил внимание на дверь. Там стоял мужчина: истощенный, худой, около тридцати с лишним лет, со злобными глазами и грубой кожей. Он был одет в чистый простой халат, и его лицо было покрыто темными синяками, он зашел в комнату на нетвердых ногах, но так резво, что от него веяло ветерком.

— Приветствую вас, Ваше Высочество, — сказал мужчина и, взмахнув рукавами, опустился на колени, чтобы поклониться Цай Яню.

— Ты не сказал мне, что его тоже помиловали, — холодно произнес Лан Цзюнься.

Чжэн Янь, напротив, уже знал, поэтому, увидев Фэна, просто улыбнулся, не говоря ни слова.

— Теперь ты знаешь, Улохоу Му, — обратился Чжэн Янь к Лан Цзюнься. — Его Высочество такой заботливый человек. Он так боялся, что ты рассердишься, ведь это вредно для здоровья.

Лан Цзюнься не обратил внимания на насмешку Чжэн Яня и перевел взгляд на Цай Яня. Тот чувствовал себя крайне неловко и кашлянул.

— Фэн, встань. Это место для тебя.

Цай Янь указал на место справа от себя, расположенное в самом конце. Фэн поприветствовал Лан Цзюнься и Чжэн Яня:

— Я осужденный чиновник, Фэн. Приветствую вас, господа.

— Все люди в той или иной степени преступники, — произнес Цай Янь, — иначе не было бы нужды в добродетельных мудрецах. Раз уж ты вступил в Восточный дворец, усердно трудись. Пусть каждый день будет на счету.

Фэн слегка улыбнулся. Цай Янь поднес ему чашу с вином, и Фэн отпил из нее маленькими глотками. За пределами зала начал бушевать западный ветер. Слышался шелест падающих листьев, и двор окрасился в кровавый цвет.

Осенний ветерок колыхал листья, а над головой сверкала Серебряная река. По всему помещью канцлера зажглись многочисленные фонари, освещающие банкетные столы в павильоне. Были наняты артисты, чтобы показать теневой кукольный спектакль, в котором музыка на цине накладывалась на строки текста; изящные, ловкие тени играли на ширме, рассказывая историю о человеке-волке из Цзянчжоу во времена династии Ю*. К столу подали самцов крабов весом по полкэтти и самок чуть меньше, лежащих в паровых корзинках.

* Чтобы узнать больше о человеке-волке, прочитайте новеллу «Орлиный страж» (та же вселенная).

Му Цин с интересом смотрел кукольное представление, а Дуань Лин чистил для него крабов, и они время от времени перебрасывались парой слов. У Ду, в свою очередь, выбирал палочками крабовую икру и мясо, откладывая их для Дуань Лина, чтобы он не остался без еды, пока был занят Му Цином.

— Это для меня? — с улыбкой произнес Дуань Лин.

У Ду сделал жест, мол, давай, ешь, и Дуань Лин отложил мясо себе.

— Простите, я опоздал! — сказал с улыбкой Му Куанда. — Поскольку вопрос о переносе столицы только решился, многое еще не улажено, и это отнимает немало времени.

Все разом поднялись со своих мест. Чан Люцзюнь и Чан Пин, его левая и правая руки, занимающиеся боевыми искусствами и литературным делом, вошли в зал следом за ним. Это был явный знак уважения к У Ду.

— Ничего страшного, — сказал У Ду, — мы просто смотрели представление. Ждать было совсем не утомительно.

Все по отдельности поприветствовали Му Куанду, после чего тот сказал Чан Пину:

— Фэй Хундэ снова исчез. Если бы я только знал, то заставил бы Ван Шаня ухватиться за его ногу и притащить его сюда, даже если бы пришлось нести его на себе.

Все в комнате начали смеяться, и Му Куанда сказал им:

— Ешьте. Не обращайтесь внимания на меня. Этот банкет всегда был лишь предлогом, чтобы поприветствовать вас двоих.

Дуань Лин улыбнулся:

— Я предположил, что вы будете слишком заняты, канцлер Му, поэтому, разумеется, не осмелился примчаться к вам, как только вернулся.

Му Куанда кивнул и похвалил его:

— Вы двое отлично справились. У меня с души свалилась тяжесть, и по крайней мере десять лет в Тунгуань не должно происходить ничего страшного. Сегодня я говорил об этом с Его Величеством, и Его Величество высоко оценил твои способности, У Ду.

У Ду лишь холодно хмыкнул, а затем сказал:

— Это все благодаря вам, канцлер.

Присутствующие в зале, похоже, тоже почувствовали перемену в У Ду, и смотрели в его сторону, не говоря ни слова. Только Чан Пин улыбнулся и произнес:

— В молодости я часто думал о том, чтобы отправиться в путешествие с мастером Фэем, но с

тех пор, как мы расстались десять лет назад, я ничего о нем не слышал. Воистину судьба распорядилась так, что наш юный друг Ван Шань сумел повстречаться с ним.

Дуань Лин сказал:

— Мастер Фэй находится в добром здравии.

Все предыдущее общение Дуань Лина с Му Куандой ограничивалось письменными посланиями, и теперь, когда он подробно рассказывал о том, что им пришлось пережить с момента прибытия в Тунгуань и до финальной битвы, это звучало поистине захватывающе. Но большая часть стратегических решений была переложена на плечи У Ду, чтобы Му Куанда и Чан Пин ничего не заподозрили. Му Куанда был настолько увлечен историей, что время от времени кивал, а Чан Пин схватил краба и начал есть, глядя не на Дуань Лина, а на кукольное представление.

Как только Дуань Лин закончил рассказывать о том, что происходило во время их путешествия, У Ду невзначай добавил еще несколько деталей об обороне в Тунгуань, силе противника и так далее.

В конце Му Куанда произнес:

— У Ду, похоже, у тебя неплохой талант в стратегии, командовании войсками, подготовке штурма и партизанской войне.

— Наверное, научился этому у генерала Чжао, да? — произнес Чан Люцзюнь, стоявший в стороне. — Полагаю, это была его лебединая песня*.

* Идиома, означающая последний значительный жест. Происходит от древнегреческого выражения. Впервые мысль о том, что немые на протяжении всей жизни лебеди поют перед смертью прекрасную песнь, встречается в басне Эзопа «Лебедь». С тех пор предсмертные вдохновенные слова, великие последние произведения, эффектные концовки называют «лебединой песней». Шекспир использовал эту идиому в своей поэме «Венецианский купец»: *If he lose, he makes a swan-like end, fading in music.*

Му Цин прочитал слова между строк Чан Люцзюня и разразился смехом:

— Пфф!

Дуань Лин бросил взгляд на У Ду, но тот уже не придавал значения провокациям Чан Люцзюня. Он просто ответил скромным кивком и сказал:

— Это лучше, чем годами следовать за своим господином и ничему не научиться. Я признаю.

На этот раз Дуань Лин чуть не выплюнул свою еду от смеха. У Ду передал ему еще один панцирь краба, полный мяса и икры, и сказал Му Куанде:

— Я просто подумал, что, поскольку скоро экзамены, если мы не поторопимся, это помешает учебе Шань-эра, и поспешил вернуться как можно скорее.

— Теперь ты семейный человек, — сказал Му Куанда У Ду. — Похоже, наследный принц действительно осознает твою значимость. Когда вернешься домой, тебе стоит подумать об этом.

И У Ду замолк.

— Кстати говоря, — сказал Чан Пин, звуча довольно задорно, — в поместье сейчас готовят приглашения к специальным экзаменам, которые пройдут в начале весны следующего года. Мы в поместье освобождены от необходимости сдавать провинциальные вступительные экзамены, и, естественно, с учетом того, что наш юный друг Ван Шань пишет сочинения, ему не придется ждать еще три года — нет ничего плохого в том, чтобы он сразу сдал столичные экзамены. Но нам нужно, чтобы господин У подробно рассказал об обстоятельствах его рождения, чтобы мы могли составить именную карту и официально записать его к учителю.

В сердце Дуань Лина закралась тревога, ведь он не ожидал от Чан Пина такой выходки. Дуань Лин чувствовал, что Чан Пин пытается его раскусить, но заподозрил ли он что-то странное в его личности — точно сказать не мог.

Однако У Ду уже придумал, как противостоять этому. Он спросил Дуань Лина:

— Как зовут твоего отца? Раньше я изо дня в день называл его просто дагэ*, а теперь не могу вспомнить, как его зовут на самом деле.

* Буквально «старший брат», но используется для обозначения любого человека старше, но все еще в том же поколении. Подразумевает дружеский уровень знакомства.

— Ван Шэн, — ответил Дуань Лин.

— Ван Шэн, — У Ду вздохнул и сделал небольшую паузу, чтобы собраться с мыслями. — Ван Шань потерял мать в раннем возрасте, а его отец был аптекарем, который иногда принимал пациентов в роли врача. Мы познакомились в Сюньбэе, и он часто помогал мне разыскивать редкие ингредиенты. Ван Шань путешествовал по всему континенту, поэтому знает больше, чем большинство других детей его возраста; отец не раз говорил, что доверил его мне, чтобы он не тратил свою жизнь на разъезды. Но тогда я жил под чужой крышей и едва мог позаботиться о себе, поэтому у меня не было возможности беспокоиться об этих двоих.

Дуань Лин вспомнил своего отца. Несмотря на то, что У Ду выдумал обстоятельства его

рождения, они местами совпадали с его собственными, и он не мог не предаться воспоминаниям о прошлом; внезапно его переполнили эмоции.

— Человек, практикующий медицину, делает полезную работу и накапливает добрую карму для потомков, — сказал Чан Пин. — Твой отец, должно быть, был хорошим человеком.

Дуань Лин кивнул, и У Ду улыбнулся. Он похлопал Дуань Лина по плечу и взял его за руку, обхватывая ее своими пальцами. В сердце Дуань Лина разливалась нежность, ведь он знал, что У Ду не притворяется, он действительно пытается его подбодрить.

— Парнишка всегда был таким обаятельным, — У Ду развернулся к собравшимся и произнес. — Люди всех профессий — солдаты, кузнецы, игроки в цуцзюй, духовные медиумы, портные, оперные певцы — в благодарность отцу передают ему часть своих навыков. А вот сколько он уже выучил, этого я точно не знаю. По словам гадалки, в его судьбе заложено что-то великое, а по словам отца, он не годится для брака*, и он сказал, что Ван Шань должен остаться со мной*. Что же касается его будущего, то он оставил его на мое усмотрение.

* Принято считать, что люди, предназначенные для великих свершений, как правило, притягивает беды к тем, кто связан с ними кровным и брачным родством.

* На 100% это звучит в смысле остаться с ним на всю жизнь, как в браке.

— Тогда послушаем тебя, — сказал Му Куанда и обратился к Чан Пину. — Запиши, что он принадлежит к роду врачей Ван, родной город — Сюньбэй. Врач — это достойное призвание. Остальное можно опустить.

Чан Пин с улыбкой произнес:

— Твоя новая профессия не может воскрешать мертвых, так что это не то же самое, но вместо лечения больных ты можешь лечить государство — это не так уж и плохо.

Такие слова очень возвышали Дуань Лина, и он поспешил выразить свою благодарность Чан Пину и Му Куанде. Му Куанда небрежно налил за столом чашку вина и поднес ее У Ду.

— Выпей немного горячего вина. Оно помогает справиться с чувством холода, которое возникает после употребления крабов*. Ты ранен, я знаю, поэтому оставайся в поместье и восстанавливай силы в ближайшее время. Как только ты поймешь, чего хочешь, я дам тебе больше работы.

* Понятие «холод» относится к китайской традиционной медицине, и поедание краба вызывает «холод», поэтому его обычно подают с имбирным чаем.

У Ду знал, что наследный принц также выразил перед Му Куандой желание завербовать его, и

если это будет выгодно Му, то Му Куанда, конечно, захочет, чтобы он присоединился к Восточному дворцу. Таким образом, что бы ни случилось, если он будет готов сообщить об этом, это будет равносильно тому, что у семьи Му появится шпион во дворце, и они будут постоянно в курсе того, что планирует наследный принц. К тому же этим шпионом будет У Ду — мастер ядов.

Но у Дуань Лина на уме было совсем другое. Наследный принц уже однажды пытался завербовать У Ду, и если он верит в его преданность, то оставить его в поместье канцлера в качестве приспешника Му Куанды было бы гораздо выгоднее — так почему же он изменил свое решение сейчас?

— Я больше не могу пить, — У Ду отхлебнул вина. — Это вино очень крепкое.

У Ду передал оставшиеся полчашки вина Дуань Лину, и тот выпил их. Му Куанда и Чан Пин должны будут встретиться вечером, поэтому Дуань Лин и У Ду прервали вечер и вернулись домой, чтобы поспать.

Когда они шли по коридору, ведущему из поместья канцлера, У Ду вдруг произнес:

— Смотри!

Над улочкой между двумя крышами виднелась Серебряная река, рассекающая горизонт. Они остановились, оба вспоминая ночь Седьмого Седьмого.

— Почему-то я забыл отпраздновать с тобой твой день рождения, — сказал У Ду Дуань Лину. — В тот день я сражался и совсем забыл об этом.

— Мой день рождения в двенадцатом месяце, — прошептал Дуань Лин, — так что давай отпразднуем его тогда.

Дуань Лин и У Ду вернулись в свои покои. Они оба выпили немало вина, и У Ду рухнул на кровать, уставившись на Дуань Лина пьяными глазами.

Дуань Лин не удосужился умыться и переодеться и просто лег с ним рядом.

— Ты хочешь присоединиться к Восточному дворцу? — спросил Дуань Лин.

У Ду ответил:

— Может быть, мне удастся найти какие-нибудь улики, касающиеся Улохоу Му и наследного принца.

— Я бы предпочел, чтобы ты остался со мной, я не хочу, чтобы мы расставались.

— Тогда я не пойду.

Подняв руку, У Ду слегка похлопал Дуань Лина по плечу. Он повернулся на бок. Они лежали на кровати на боку напротив друг друга и смотрели друг другу в глаза.

— Время еще есть. Канцлер Му снова спросит тебя после столичных экзаменов.

Брови У Ду слегка дрогнули.

— Откуда ты знаешь?

— Ему нужно убедиться, что ты останешься ему верен, поэтому он оставит меня в поместье и будет использовать, чтобы контролировать тебя.

У Ду сразу все стало ясно. Теперь, когда он об этом подумал, это было вполне вероятно. Му Куанда видел, что связь между ними окрепла, и ему достаточно было направлять Дуань Лина, помогать ему и взять в ученики. А в обмен на это У Ду станет помощником в Восточном дворце, превратившись в тайного слугителя Му Куанды рядом с наследным принцем.

— Но я еще не могу это понять, — Дуань Лин все еще был немного пьян. Он положил руку на лицо У Ду. — Почему наследный принц так торопится завербовать тебя? Его отношение изменилось.

Но У Ду уже не слушал. Его щеки покраснелись от выпитого, а в глазах отражался Дуань Лин. Казалось, что в глазах Дуань Лина плещется вода, такая же яркая, как пруд, в котором сверкает звездное небо.

— Дуань Лин.

— Хм?

Дуань Лин вдруг почувствовал, что если рядом с ним всегда будет кто-то вроде У Ду, то жить будет очень хорошо. Как и сказал У Ду при Му Куанде, он не может жениться, и, по правде говоря, Дуань Лин тоже не хочет жениться, иначе его многочисленные секреты принесут им одни опасности.

— В будущем ты станешь императором. Не принимай всерьез то, что я сказал сегодня перед канцлером Му. Когда-нибудь ты женишься на прекрасной принцессе, и она станет твоей императрицей. У тебя будут сыновья, внуки...

— Я не женюсь.

— Ты должен помнить обо мне, — сказал У Ду, пригубив напиток. — Помни, что сегодня ночью мы с тобой лежим на кровати в поместье канцлера...

Дуань Лин повторил:

— Нет.

Ему уже очень хотелось спать. В дремоте его посещали смутные мысли — он думал о том, что наследный принц, вероятно, считает, что Му Куанда собирается отравить его, и понимает, что он не в безопасности, что ему придется жить, постоянно держа руку на пульсе; он думал о том, что, как и говорил ему отец, многие люди будут переступать через друг друга, чтобы дать ему все, но он по-прежнему был глубоко убежден, что если кто-то хочет дать ему все, то, естественно, он должен отдать ему всего себя взамен...

В объятиях У Ду он уснул.

Медленно закрыв глаза, У Ду опустил голову и, чувствуя на губах слабый аромат османтусового вина, прижался легким поцелуем к носу Дуань Лина.

Когда Дуань Лин проснулся на следующий день, У Ду уже стоял в коридоре, накрывая на стол кашу, и ждал, когда он встанет с постели.

— Сегодня тебе придется пойти на занятия, — сказал У Ду, поднимая миску с едой и обращаясь к Дуань Лину.

При мысли о том, что ему нужно идти на урок, Дуань Лин испытывал некоторое разочарование. Ему казалось, что он снова вернулся в Шанцзин, где Ли Цзяньхун говорит ему: «Тебе сегодня нужно идти в школу, сын мой».

Каждый раз он хотел, чтобы отец всегда оставался с ним; как было бы здорово, если бы им никогда не пришлось расставаться. Зайти в Академию Биюн — все равно что попасть в тюрьму.

Он подумал, не вернется ли Лан Цзюнься и не попытается ли убить его. Может, у Лан Цзюнься и нет времени, но вдруг он уже рассказал Цай Яню?

— Тогда что ты собираешься делать дома? — спросил Дуань Лин.

— Я буду оберегать тебя. Тебе не нужно бояться.

— Скорее всего, не придется. Чан Люцзюнь обычно находится рядом с Му Цином, и я думаю, что... этот человек не осмелится преследовать меня.

У Ду уставился на Дуань Лина, и тот добавил:

— Твои раны еще не зажили. Лучше сильно не двигайся.

— Моя нога почти полностью зажила, и я могу держать меч правой рукой.

У Ду, скорее всего, не собирался забираться на потолочную балку и наблюдать оттуда за его занятиями, подумал Дуань Лин, ведь работать так много каждый день — слишком утомительно. Да и не мог он, пользуясь своим статусом наследного принца, приказать ему оставаться на месте — У Ду рассердится.

— Все, что я собираюсь делать дома, — это спать. Быстрее ешь и уходи, как только закончишь. Хватит болтать.

Дуань Лину ничего не оставалось, как оставить его.

— Если вдруг встретишь Чан Люцзюня, пожалуйста, не затевай драку.

— Естественно, я не собираюсь опускаться до его уровня.

Дуань Лин попытался прибраться после завтрака, но У Ду поторопил его и сказал, что он должен оставить все как есть. Дуань Лину осталось лишь забрать свои книги и выйти из дома. Перед уходом он оглянулся и увидел, что У Ду сам убирает за собой посуду и палочки для еды. Прислугу в их дом не пускали, поэтому У Ду складывал грязную посуду в деревянный таз и оставлял его за воротами, чтобы кто-нибудь забрал.

— Я уже уйду. Тебе не обязательно идти, — сказал Дуань Лин У Ду.

У Ду отмахнулся от него, указывая на то, что ему следует поторопиться и уйти.

Дуань Лин пробирался через многочисленные ворота и дворы к его с Му Цином учебному классу; новое поместье канцлера было намного больше, чем в Сычуани. Когда он добрался до классной комнаты, Му Цин и их учитель уже ждали его. Дуань Лин сразу же извинился и, как и прежде, сел напротив Му Цина.

Вскоре после этого вошел Чан Люцзюнь и расположился, скрестив ноги, рядом с Му Цином,

придвинув к себе стол.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Му Цин.

Чан Люцзюнь, с маской на лице, немного недовольным голосом произнес:

— Я здесь, чтобы учиться вместе с вами.

Дуань Лин бросил на него любопытный взгляд и увидел, что Чан Люцзюнь держит в руках копию «Тысячесловия»*. Он вспомнил, что Му Куанда как-то упоминал, что тот не умеет читать, и чуть не расплескал свой чай по столу. Не может быть — неужели У Ду удалось ударить его по больному месту прошлой ночью, и он решил стать убийцей, умеющим читать?

* Тысячесловие — это тысяча обычных иероглифов, превращенных в стихотворение, в котором ни один из них не повторяется. По сути, это алфавит.

— Ты помнишь, что изучал перед поездкой? Перечитай еще раз.

— Конечно.

У Дуань Лина была действительно хорошая память. Он достал из головы «Великое учение», которое изучал перед отъездом из Сычуани, и по памяти пересказал три главы.

Учитель кивнул и начал обучать их написанию эссе. Он сказал Му Цину:

— Ты уже некоторое время бездельничаешь, поэтому с сегодняшнего дня тебе следует выбросить игры из головы. Раз уж Ван Шань вернулся, если ты и дальше не будешь относиться к учебе серьезно, не вини меня за то, что я буду бить тебя линейкой по рукам.

Дуань Лин только сейчас узнал, что Му Цин совсем не учился после переезда в столицу, и от этого у него просто голова раскалывалась.

— Желтый, — Дуань Лин повернулся к сидящему рядом Чан Люцзюню и сказал. — Это «желтый», как в «темное небо — желтая земля».

Чан Люцзюнь кивнул, не решаясь издать ни звука.

— Ван Шань, почему ты все время смотришь куда-то вверх? — спросил учитель.

— Просто так, — ответил Дуань Лин. — Я потянул шею, когда спал прошлой ночью.

Дуань Лин продолжал искать следы У Ду на потолочной балке, но так и не смог их заметить. Раз Чан Люцзюнь присутствует, значит, У Ду уже не нужно приходить. Не успел он оглянуться, как в коридоре раздался стук деревянных сандалий.

— Кто построил это место? — спросил У Ду. — Все эти извилистые тропинки — неужели сам канцлер Му не теряется в своих владениях?

Все присутствующие в классе в одночасье обратили внимание на У Ду. Тот снял сандалии и нагнулся, чтобы убрать их, а затем вошел в комнату на босу ногу. Сначала он поклонился учителю, а затем принес другой стол и сел рядом с Дуань Лином.

Все молча уставились на него.

— Ты тоже здесь, — произнес Му Цин.

— Я буду учиться у него, — ответил У Ду. — Образование — для всех. Разве не так говорят, учитель?

Учитель произнес:

— Образование — для всех. Никаких драк в классе.

Дуань Лин ещё не понял, что У Ду так открыто «охранял его», и засмеялся.

У Ду показал на бумагу и чернила Дуань Лина, чтобы тот понял, что ему не стоит беспокоиться о его присутствии, и случайно заметил в руках Чан Люцзюня Тысячесловие. Он удивленно спросил:

— Чан Люцзюнь, ты не умеешь читать?

Атмосфера вокруг них словно застыла.

— Он перечитывает, — без колебаний ответил Му Цин.

— Тот, кто достигает нового понимания, пересматривая старые учения, достоин быть учителем, — добавил цитату Дуань Лин*.

* Из «Лунь Юй» Конфуция.

Чан Люцзюнь ничего не произнес.

И только тогда У Ду кивнул, больше не задавая вопросов. По мере чтения на лбу Чан Люцзюня выступали бисеринки пота, но он не решался читать вслух. Учитель призвал двух учеников написать сочинение, а затем встал и вышел из комнаты.

Как только учитель ушел, Дуань Лин и Му Цин расслабились и начали потягиваться. Му Цин вчера вечером выпил немного алкоголя, и у него до сих пор кружилась голова от похмелья, поэтому он упал на парту и задремал, а Дуань Лин лениво прислонился к перекладине на столе, закинув одну ногу на бедро У Ду. Ослепительный свет осеннего солнца проникал сквозь оконные стекла, согревая их изнутри; Дуань Лин вдруг осознал, как прекрасна жизнь — даже учеба приобрела смысл. Он больше не был одинок.

— Ван Шань, — Му Цин немного ревновал, наблюдая за ними. — Подойди к этому краю стола. Я хочу поговорить с тобой кое о чем. Помоги мне с этим.

Дуань Лин уже собирался встать, когда У Ду сказал:

— Еще даже не полдень. Что вы двое задумали?

Му Цину ничего не оставалось, как продолжать сидеть, ерзая на своем месте. Они ушли на обед лишь тогда, когда вернулся учитель, проверил эссе, которые они закончили писать, и прозвучал гонг о наступлении полудня. Они выстроились в ряд, сели на деревянный настил на веранде, каждый взял с собой коробку с обедом, и они начали болтать во время еды. Му Цин и Чан Люцзюнь ушли, оставив Дуань Лина и У Ду одних.

— Как ты думаешь, куда они ушли? — спросил Дуань Лин У Ду.

— Думаю, они пошли встречать гостей. Наверное, там хорошая еда. Хочешь?

Дуань Лин отмахнулся от вопроса. Осенний ветерок приятно наполнял послеполуденный воздух шелестом листьев и звоном ветряных колокольчиков, а солнечный свет наискосок лился во двор. Цзянчжоу — поистине чудесное место, где все четыре времени года проявлялись по-разному, совсем не так, как в Сычуани, где круглый год царила постоянная пасмурная погода.

Заметив, что Дуань Лин устал, У Ду позволил ему опереться на плечо. Вскоре они, облокотившись друг на друга, уже дремали в извилистой галерее. Очнувшись от сна, Дуань Лин протер глаза и обнаружил, что Му Цин еще не вернулся. Пока было время, У Ду немного обучил его владению мечом. Держа по деревянной линейке, У Ду убрал одну руку за спину и стоял во дворе, высокий и неподвижный, как гора, чтобы помериться силами с Дуань Лином.

— У тебя плечо слишком высоко. Главное в движении «Смещение гор» — это рука, а не плечо. Как только ты поднимешь плечо, оно будет отбито.

Дуань Лин последовал его указаниям и сделал резкий шаг вперед, нанося рубящий удар. У Ду

повернулся на месте, уворачиваясь, и Дуань Лин едва не упал. У Ду начал смеяться и быстро обхватил Дуань Лина за талию, чтобы поставить его на ноги.

— Опять. Когда моя нога поправится, я помогу тебе обучиться искусству легкости.

Му Цин вернулся и бросил что-то Дуань Лину.

— Вот, это тебе.

Это была нитка коралловых бус. С первого взгляда Дуань Лин понял, что это монгольские бусы. Он никогда не видел такого в поместье Му.

— Откуда это? — спросил Дуань Лин.

— Папа подарил мне. Он просил подарить и тебе. Ты практикуешься во владении мечом? Можно мне тоже поучиться?

Видя, что Му Цин что-то подарил Дуань Лину, У Ду поразмыслил, что было бы неприлично оставить его без ответного подарка, он обучил Му Цина нескольким приемам, и Дуань Лин с Му Цином устроили поединок. Чан Люцзюнь некоторое время наблюдал за ними.

— Ты учишь их мечу царства?

— Как будто это твое собачье дело, — ответил У Ду.

Дуань Лин держал рот на замке.

Единственный ученик, оставшийся в Зале Белого Тигра, — это У Ду, поэтому, естественно, он был главой секты и мог учить всех, кого сочтет нужным. Чан Люцзюнь не имел права вмешиваться, поэтому ему оставалось только стоять и наблюдать. В конце концов он спросил:

— Ты нашел метод ци?

— Нет.

Чан Люцзюнь усмехнулся и сказал:

— Если у тебя нет метода ци, зачем вообще утруждаться.

— Иди читай свою книгу, — нетерпеливо процедил У Ду. — Почему ты так много болтаешь?

Чан Люцзюнь замолк.

С этого дня У Ду и Чан Люцзюнь вместе с Дуань Лином и Му Цином стали посещать их занятия. Чан Люцзюнь иногда уходил к Му Куанде, но У Ду бывал там почти каждый день. Постепенно холодало, и начал падать первый снег, а в классе разожгли печь. В дневное время еще больше хотелось бездельничать, а с приходом зимы У Ду стал похож на печку и светился теплом, согревая руки и ноги Дуань Лина. Они еще больше, чем раньше, сблизились, и Му Цин с завистью наблюдал за ними.

Непрерывно развевающийся на ветру снег в Цзянчжоу был мелким и очень чистым. Каждое растение было покрыто тонкой белой марлей.

Как только У Ду пришел в класс, его сразу же позвал Му Куанда, оставляя оживленно щебечущих и смеющихся Дуань Лина и Му Циана греться у камина. Вскоре У Ду поспешил обратно и сказал Дуань Лину, выходя из зала:

— Я должен отправиться во дворец.

— Что-то случилось?

— Точно не знаю. Говорят, прибыл иностранный посланник, Его Величество вызвал меня лично и хочет, чтобы я встретился с ним.

— Тогда иди. Хочешь, я буду ждать тебя сегодня к ужину?

— Боюсь, там будет банкет. Я обязательно приду позже вечером. Будь...

Дуань Лин понимал, что следующая половина фразы У Ду — «будь осторожен», и, поняв, кивнул. Прошло почти три месяца с тех пор, как они приехали в Цзянчжоу, Лан Цзюнься не пытался его убить, и наследный принц тоже ничего не делал, так что, может, они и не собирались ничего предпринимать? Дуань Лин часто ослаблял бдительность, но ему ничего не оставалось, как взять себя в руки и напомнить себе, что он должен быть осторожен.

— Шань, — сказал Му Цин Дуань Лину, и тот пришел в себя. — Давай заниматься. В следующем месяце экзамены.

Му Цин всегда называл его так, и Дуань Лину это казалось довольно странным. Несмотря на то, что он всего лишь произносил один иероглиф его имени, это всегда казалось слишком интимным.

— У Ду — очень хитрый человек, — совершенно искренне сказал Му Цин, — он наверняка обманул тебя.

— Что? — когда Дуань Лин услышал слово «обманул» в одном предложении с У Ду, он почувствовал странное онемение в голове и боль в желудке.

— Так сказал Чан Пин. Ты не должен всегда доверять У Ду и делать все, что он просит.

— Нет-нет, — защищал его Дуань Лин. — Он не стал бы меня обманывать.

Если бы У Ду действительно хотел получить императорскую милость, Дуань Лин был бы уже мертв. Он ни за что не сидел бы здесь и не разговаривал с Му Цином.

Му Цин лишь замолчал и перелистнул страницу своей книги. Дуань Лину стало немного любопытно: он знал, что Му Цин говорит это в интересах Дуань Лина, но тот был лишен сердца. Если он и сможет когда-нибудь успешно вернуться ко двору, то обязательно рассорится с семьей Му — потому что в его руках слишком много секретов Му Куанды, а ведь именно Му в некотором смысле спасли ему жизнь.

Поэтому он постоянно старался не сближаться с Му Цином и оставлял между ними некоторую дистанцию. Помимо учебы и подготовки к экзаменам, он не давал Му Циному никаких шансов на развитие с ним более близких отношений. Иначе, когда придет время улаживать разногласия, им обоим будет только больнее.

— Почему Чан Пин так сказал? — Дуань Лин понимал, что раз слова Му Циана прозвучали из уст Чан Пина, то это не что-то бессмысленное — значит, между строк должно быть что-то еще.

Если подумать, то Му Цин — человек, перед которым он провинился больше всего. Каждому из своих друзей он отдавал часть себя и относился к дружбе искренне, а Му Цин — единственный, кого он постоянно сторонился. Если бы они встретились, когда им было по десять лет, они бы точно стали лучшими друзьями.

— Господин Чан Пин сказал, что У Ду хочет удержать тебя рядом с собой, и именно по этой причине он сказал, что твоя судьба не подходит для брака. Он не хочет, чтобы тебя забрал кто-то другой. Ты ведь прекрасно понимаешь, что такого не бывает?

Чан Пин, по мнению Дуань Лина, обладал слишком острым умом: когда У Ду произнес эти слова той ночью, Дуань Лин не ожидал их услышать, и Чан Пин уловил его мгновенное удивление. После этого Дуань Лин тщательно проанализировал сказанное и понял, что он должен сам об этом заявить — иначе, если Му примут решение заключить с ним брачный союз, это сильно осложнит дело. Кто может гарантировать, что у Му Куанды нет где-нибудь припрятанной внебрачной дочери?

Это лишь то, что Му Цин сказал вслух, а значит, должна быть и какая-то другая информация, которую не передали. Чан Пин не стал бы поднимать вопрос о женитьбе Дуань Лина без причины, значит, наверняка ему было о чем поговорить с Му Куандой и позадавать вопросы Му Циному, раз он смог услышать эти слова.

— Даже если это правда, — слабо улыбнулся Дуань Лин. — Что плохого в том, чтобы быть с У Ду?

Дуань Лин действительно верил в то, что, каким бы ни был его дальнейший путь, он будет идти по нему только рядом с У Ду. Он не будет держаться в тени, как его отец. Вспоминая об отце, Дуань Лин даже сказал бы, что он уже был невысказанно силен.

Временами он мог понять Цай Яня. Хотя они не встречались лицом к лицу после возвращения в Цзянчжоу, он знал, что тот боится и переживает еще сильнее, чем он сам, и единственный человек, за которого он мог ухватиться, единственная соломинка, за которую он держался на краю пропасти, — это Лан Цзюнься.

Му Цин же испытывал сильное негодование по поводу Дуань Лина, считая, что У Ду привязал его к себе долгом благодарности. Но раз уж Дуань Лин так выразился, Му Цин перестанет говорить о нем плохо за его спиной. Ему осталось только кивнуть и сказать:

— Ну, раз ты счастлив.

Дуань Лин улыбался, но в голове у него всплыла совсем другая сцена — когда Му Цин подслушал разговор Чан Пина с отцом и, возмущенный, сказал, что сообщит об этом Дуань Лину, Му Куанда, должно быть, посоветовал ему ничего не говорить, так как это будет бесполезно. Му Цин не поверил ему, все равно сказал, и вот предсказуемый результат.

Я человек тактичный, — постоянно повторял Му Куанда. Дуань Лин прекрасно его понимал, но, увы, его сын всегда был довольно прямолинеен. Иногда Дуань Лину казалось, что он гораздо больше похож на сына Му Куанды, чем Му Цин, а тот по складу ума больше напоминал его отца Ли Цзяньхуна. Возможно, если поменять их отцов местами, все будет выглядеть более гармонично.

— Чего ты улыбаешься?

— Ты повзрослел, — сказал Дуань Лин.

— Говоришь, словно старик.

— Когда я был в Тунгуань, я очень скучал по тебе.

Му Цин с улыбкой ответил:

— Папа был так занят переносом столицы, что мне было ужасно скучно. Я каждый день ждал твоего возвращения.

Дуань Лин почти совсем не думал о Му Цине, он говорил ему об этом только сейчас, пытаясь порадовать его. У Ду — человек, который будет хорошо относиться к нему, даже не зная, кто он такой, как и Му Цин. Однако между этими двумя людьми была огромная разница.

На улице падал мягкий, пушистый снег, и они собрались вокруг камина, совсем не желая заниматься. Дуань Лин подумал, что можно было бы и все бросить, и отбросил свои книги в сторону. Он сказал Му Цину:

— Давай я тебя куда-нибудь свожу. Куда ты хочешь?

Му Цин и представить себе не мог, что такой прилежный Дуань Лин предложит ему куда-нибудь выбраться. Его глаза сразу же засияли.

— Пойдем! Я отведу тебя куда-нибудь!

Время от времени приходилось останавливаться, чтобы понюхать цветы, и так уж получилось, что в данный момент поместье пустовало. Дуань Лин быстро сложил вещи и вернулся в свой домик при дворе, чтобы переодеться. Когда он вышел вслед за Му Цином, карета остановилась прямо перед улицей, и Дуань Лин спросил:

— Куда мы едем?

— Узнаешь, когда приедем, — ответил Му Цин и порылся в поясной сумочке, пока не нашел жетон. Держа его, он взял Дуань Лина за руку и протянул ему свою грелку.

— Кто там?

Карета некоторое время ехала, пока не остановилась на охраняемом контрольно-пропускном пункте. Дуань Лин собирался ответить, но Му Цин жестом призвал его к тишине и протянул страже через занавеску свой жетон.

— Я. Я из семьи Му.

— Молодой господин из семьи Му, — спросил снаружи охранник. — Только вы?

— Я пришел повидаться с отцом, — сказал Му Цин.

Охранник вернул ему жетон и пропустил карету. Мы едем в канцелярию? Где работает Му Куанда? Он всегда хотел увидеть это место, но Му Цин все еще не разрешал ему говорить. Только после того, как они проехали несколько контрольных пунктов, после того, как карета сделала множество поворотов и остановилась, Му Цин сказал ему:

— Ну что ж, пошли!

Падал мелкий снег, уже было за полдень, и все вокруг было немного влажным. Когда Дуань Лин опустил ногу на землю, он понял, что находится во внутреннем дворе, а высота стен была размером с двух людей, поставленных друг на друга. Похоже, это задний двор.

— Что это за место? — с любопытством спросил Дуань Лин.

Му Цин ничего не ответил. Взяв Дуань Лина за руку, он повел его к другим воротам во дворе. Дуань Лин спросил себя, так ли выглядит здание канцелярии, но с каждым шагом это казалось все менее вероятным. И только когда они прошли через крытую галерею и цветочный сад, он вдруг понял, что они во дворце!

— Дворец? — потрясенно произнес Дуань Лин.

— Хе-хе.

Му Цин явно взял Дуань Лина сюда, чтобы расширить его кругозор, поэтому, конечно, удивление Дуань Лина его вполне устраивало. Но он даже не подозревал, что для Дуань Лина это место, в котором он никогда не был, было его настоящим домом.

В голове Дуань Лина промелькнула дюжина расчетов, и он решил, что лучше не встречаться с Цай Янем прямо сейчас, но даже если он и столкнется с Цай Янем, что с того? Он ведь не посмеет совершить убийство во дворце, не так ли? Эта мысль одновременно волновала и возбуждала его.

Му Цин выглядел так, будто потерялся.

— Проклятье, я и забыл, что мы не в Сычуани. Как получилось, что дворец Цзянчжоу такой огромный? Я даже не знаю, куда идти.

Дуань Лин сказал:

— Не паникуй. Мы спросим кого-нибудь.

В извилистом коридоре стояли несколько стражников и воин, похожий на капитана, который давал указания остальным, и Дуань Лин подошел к ним, чтобы спросить дорогу. Но как только воин обернулся, Му Цин побледнел от страха и поспешно замахал Дуань Лину рукой, шепча «Не иди!».

Увы, хотя Дуань Лин и удивился реакции Му Цина, он уже находился в зоне видимости воина. Мужчина уже закончил давать указания и заметил его.

Он был восьми чи ростом*, с прямыми черными бровями и яркими глазами, с ног до головы облачен в черные доспехи, а в руках у него был простой черный железный драконий молот*.

* «Восемь чи ростом» было обычным описанием «высокого роста». Возможно, около 185 см.

* Предшественник нунчаков. Похожи на нунчаки, только одна из палок примерно в 4 раза больше другой, с короткой цепью посередине. Это противокавалерийское оружие.

Закутанный в меховую накидку Дуань Лин только что вышел из своего класса в поместье канцлера, не потратив ни минуты на свой внешний вид. Его волосы были небрежно распущены по плечам и спускались к спине, а на запястье был надет коралловый браслет, подаренный Му Цином. Как только мужчина увидел его, он остановился и недоверчиво уставился на Дуань Лина, будто провалился в сон.

Дуань Лин не знал, как к этому относиться, и на мгновение замолк.

Воин, похоже, погрузился в раздумья. Дуань Лин поднял руку и с опаской провел ею перед лицом.

— Ты... — хмуро произнес воин.

Дуань Лин улыбнулся, выпрямляя спину, и, сложив ладони в кулак, поклонился воину.

В мгновение время вокруг них повернулось вспять, а снег, покрывающий землю и небо, в считанные секунды унесся к горизонту.

Время несло наперекор течению. Желтые листья под деревьями в дворцовых садах взлетали обратно на свои ветви; цветы вяли и распускались вновь, листья желтели, а затем зеленели. Время текло вокруг него, и бесчисленные образы проносились мимо, словно он вернулся на границу, к югу от Желтой реки.

У моря я — но север предо мной,

У моря ты — перед тобою юг,

Ты мне прислал через гонца письмо,

Как мне тебя благодарить, мой друг!

Весенний ветер, доброе вино,

Цвет персика и стройной груши цвет,

Озера, реки, ливни по ночам -

Я не забыл за эти десять лет...

Четыре не разрушенных стены -

Все, что осталось у тебя, мой друг*.

* Стихотворение Хуан Тинцзяня, династия Сун. Оно называется «Письмо к Хуан Цзифу», другу Хуан Тинцзяня в юности. Здесь подразумевается, что «с тех пор как мы встретились весной под фруктовыми деревьями и выпили из одной чаши, прошло десять лет одиноких скитаний, переездов с места на место и тоски по тебе». Перевод стихотворения — И.С. Голубев.

— Меня зовут Ван Шань, не могли бы вы сказать мне, в каком из дворцовых залов проживает императрица?

Се Ю наконец-то очнулся от воспоминаний, а Му Цин к этому времени трусцой подбежал к Дуань Лину. Он встал за его спиной и застенчиво улыбнулся Се Ю.

— Генерал Се, я здесь, чтобы... увидеть свою тетю.

— Приветствую вас, генерал Се, — поспешно добавил Дуань Лин.

Се Ю в мгновение ока вернулся к настоящему, но впал в еще более длительную рассеянность, пока снежинка не упала на бровь Дуань Лина. Тот выглядел немного растерянным, и меж его бровей пролегла мелкая складка.

И тут Се Ю медленно поднял руку, указывая на конец коридора.

Му Цин и Дуань Лин немедленно поклонились, чтобы поблагодарить его.

Му Цин сказал:

— Спасибо, генерал Се.

— Спасибо, генерал Се, — повторил Дуань Лин.

Му Цин взял Дуань Лина за руку и убежал так быстро, как только мог. Все еще стоя в крытой

галерее, Се Ю с удивлением обнаружил, что на мгновение ослеп, его охватило головокружение, а сердце словно пробили тупым молотком.

— Это Се Ю, — сказал Му Цин Дуань Лину. — В его руках сосредоточена огромная мощь. Он первый военачальник Цзянчжоу, генерал-защитник Великой Чэнь.

Дуань Лин был поражен до глубины души. Неужели он узнал меня? Скорее всего, он не должен был. Даже У Ду и Му Куанда не смогли его узнать, что уж говорить о Се Ю? Он был похож на свою мать и не имел отцовских черт, но это каким-то образом стало для него защитой.

— От него исходит такая убийственная аура, — сказал Дуань Лин. — Когда он смотрел на меня, казалось, что он собирается меня убить.

— Он со всеми такой.

Очевидно, Му Цин все еще помнил впечатление, которое произвел на него Се Ю год назад. Во время летней грозы Му Куанда привел его к Ли Цзяньхуну, пытаясь отдать ему в ученики своего сына. Могущество Се Ю произвело на него неизгладимое впечатление.

Они направились во Дворец Вечной Осени, но обнаружили, что императрицы Му Цзиньчжи там не было. Оставшаяся на месте дворцовая служанка узнала Му Цина и улыбнулась ему.

— Айя, зачем же вы пришли сюда одни?

— А где моя тетушка?

— Она сейчас в саду с Его Величеством.

Му Цин попросил служанку найти одежду, которую он хранил в Осеннем дворце, и они с Дуань Лином переоделись в нее. Дуань Лин вспомнил, что тетя Му Цина — Му Цзиньчжи, нынешняя императрица. То есть если он пойдет туда просто так, то обязательно столкнутся с Ли Яньцю. При этой мысли сердце забило в груди. Он не знал, как все обернется, если Цай Янь и Лан Цзюнься тоже окажутся там.

У Ду тоже прибыл во дворец. Он здесь?

— Мне лучше... — колебался Дуань Лин, — не показываться на глаза. Я просто буду наблюдать издали. Ты привел меня сюда тайно, а это, в конце концов, неприлично.

— Все в порядке. Императрица — моя тетя, а Его Величество — мой дядя. Чего тут бояться?

— Нет-нет. Я немного побаиваюсь.

Дуань Лин не просто был немного напуган — если он опрометчиво бросится к Ли Яньцю, то создаст ситуацию, которую не сможет контролировать. Пока он снова и снова настаивал на своем, Му Цин сказал:

— Ну хорошо, мы просто понаблюдаем издали, тогда и меня не будут мучить расспросами.

Когда они добрались до императорских садов, снегопад уже прекратился. Резные балюстрады и парящие карнизы дворца были очерчены ровной сеткой ярко-белого цвета. Когда Дуань Лин увидел, что творится в саду, сердце у него екнуло. Внутри павильона стояло несколько столов, один человек сидел за столом лицом к саду, а в самом саду толпа оставила свободное пространство, и несколько человек стояли на его краю.

— Тот, что посередине, — Его Величество, — объяснил Му Цин, держа Дуань Лина за рукав и прячась за колонной.

Женщина рядом с Ли Яньцю — это, разумеется, Му Цзиньчжи, слева от императорского кресла — молодой человек с подчиненным за спиной, а еще дальше — Му Куанда и еще два чиновника.

Справа на гостевом сиденье расположился посланник в монгольской одежде.

— Здесь монголы? — Дуань Лин вспомнил о коралловых бусах, которые он носит, — а, теперь понятно.

— Сегодня шестое число двенадцатого месяца — день рождения наследного принца, — объяснила им дворцовая служанка. — Монголы прислали посланника с подарками, чтобы поздравить его.

Дуань Лин кивнул и увидел, что на поляне перед павильоном стояли четыре человека, не разговаривающие друг с другом. Это Чан Люцзюнь, Лан Цзюнься, Чжэн Янь и У Ду. Дуань Лин одним взглядом заметил У Ду, и тот, скрестив руки, смотрел на происходящее с крайним нетерпением.

Два монгола устроили борцовский поединок для наследного принца. Дуань Лин не мог не вспомнить приемы борьбы, которым его учил Бату, когда они были в Прославленном зале. Судя по тому, что он видел, монголы уже не в первый раз наведывались в гости к императорской семье Южной Чэнь.

Рядом с борцом стоял мускулистый мужчина, раздетый по пояс в разгар лютой стужи, к слову, на дворе был двенадцатый месяц. С фигурой, превосходящей даже Чан Люцзюня, и грубым лицом он с презрением разглядывал стоящих напротив него убийц.

— Замечательно!

Цай Янь засмеялся, когда кого-то бросили на землю, и проводил толпу аплодисментами. Остальные чиновники одобрительно закивали вместе с Му Куандой.

Монгольский посланник кивнул Цай Яню, и тот вручил воину-победителю чашу вина. Боец подошел и поблагодарил Цай Яня.

— После столь долгого ожидания, — сказал посланник, — мы наконец-то смогли встретиться с Вашим Величеством и Вашим Высочеством. Будет чем похвастаться перед нашими людьми, когда вернемся.

— Конечно, я очень рад, что вы проделали такой долгий путь, чтобы отпраздновать день рождения моего сына, — ответил Ли Яньцю. — Поскольку вопрос о переносе столицы не был решен до этого момента, у нас не было времени принять вашу делегацию.

Дуань Лин и Му Цин спустились по извилистой галерее в сад. В нем росло множество цветущих деревьев, и Му Цин уже собирался пройти дальше, когда Дуань Лин дернул его за рукав, давая понять, что они подошли уже достаточно близко. Черные доспехи, стоящие на страже у входа, уже собирались прогнать их, но тут с другого конца галереи к ним направился Се Ю и жестом остановил стражников.

Вот почему они стояли за цветущими кустами и слушали, что происходит внутри. Сквозь кусты он даже видел У Ду, стоящего в десяти шагах от них.

Цай Янь сказал:

— Я прочитал его последнее письмо, но поскольку государственные дела занимали все мое время, у меня не было возможности написать ответ. Теперь же, когда появился еще и императорский указ, я попрошу вас вернуть его вместе с письмом.

Посланник тут же ответил:

— Это замечательно. Наш наследный принц сказал нам, что мы должны принести его благословение Вашему Высочеству ко дню вашего рождения и попросить прислать ответное письмо.

— Какое благословение? — улыбнулся Цай Янь. — Я удивлен, что Бату все еще помнит обо мне.

— Его Высочество сказал, что, хотя вас разделяют десять тысяч ли, — торжественно произнес посланник, — он издали смотрит на южный регион и празднует сегодня день рождения Вашего Высочества, чтобы почтить память о привязанности, которая зародилась между вами в Прославленном зале.

Цай Янь мягко улыбнулся, вздохнул и покачал головой.

— Его Высочество специально приготовил блюдо. Оно называется «пес Цай», и он сказал нам, что мы должны обязательно преподнести его сегодня Вашему Высочеству*.

* Цай (фамилия Цай Яня) и Цай (овощ) — омонимы; «пес Цай» — так Бату называл Цай Яня, когда они были детьми.

Улыбка Цай Яня мгновенно застыла.

— Мне говорили, что ваш народ не ест собачье мясо, или это неправда? — спросил чиновник.

Эти слова вызвали недоумение, и большинство присутствующих не смогли понять, о чем говорит посланник, но, заметив выражение лица Цай Яня, посланник ухмыльнулся.

— Это правда, мы не едим собачье мясо. Собаки — наши верные друзья, и в память о работе, которую они делают для нас, мы замешиваем сок листовых овощей в тесто, лепим из него булочки в форме собак, которые затем готовят на пару. После этого их раздают людям в знак удачи.

Дуань Лин молча переваривал эти слова.

Бату определенно поручил своему посланнику произнести эти слова; ему было интересно, какое выражение лица сейчас у Цай Яня. Как говорится, правда всегда выйдет наружу, и как бы Цай Янь ни старался все скрыть, кто-то все равно да узнает. Дуань Лину это казалось забавным, но он также чувствовал, что гнев Бату вот-вот обрушится на Цай Яня с расстояния в десять тысяч ли — только поэтому он дал посланнику задание произнести эти злобные слова, чтобы спровоцировать Цай Яня. Что это — угроза или просто насмешка, он понятия не имел.

— Пожалуйста, принесите их.

Посланник поднял руку.

И вот слуги вынесли два блюда, наполненные паровыми булочками в форме собак, пестро-зеленого цвета, и поставили их перед Цай Янем.

Выражение лица Цай Яня в одно мгновение стало зеленым, а в следующее — белым. Он заставил себя улыбнуться:

— Как заботливо с его стороны.

Все нашли это довольно забавным, но среди присутствующих, кто в курсе, только Лан Цзюнься знал прозвище Цай Яня, а У Ду мог сделать несколько предположений. Лан Цзюнься повернул голову, чтобы бросить на У Ду многозначительный взгляд, но тот не обращал на него внимания, а смотрел на цветущие кусты напротив себя и вдруг заметил Дуань Лина, который выглядывал из-за зарослей, пытаясь разглядеть его получше.

— Монгольские обычаи, конечно, заняты, — сказал Цай Янь Ли Яньцю. — Борджигин всегда был очень радушен, когда мы были в Шанцзине.

Ли Яньцю кивнул, и посланник добавил:

— Его Высочество искренне хочет попросить у Вашего Высочества письмо, написанное от руки, чтобы утолить его тоску по вам.

Как только он это произнес, собравшиеся рассмеялись, думая про себя, что этот варвар, едва выучив ханьский, уже путал выражения.

Цай Янь усмехнулся и произнес:

— Раз так, достаньте чернила и бумагу.

Лан Цзюнься сделал шаг вперед.

— Сейчас холодно, и руки Вашего Высочества замерзнут. Нет необходимости делать это самому. Я могу написать от вашего имени.

Посланник, похоже, задумался, и, когда он уже собирался заговорить, вклинился Лан Цзюнься:

— Прошло много лет, и я тоже скучаю по Его Высочеству. Ему уже должно быть восемнадцать — он уже женат?

— Его Высочество сейчас на поле боя, сражается за хана. Будучи дорогим внуком хана, он еще не помолвлен.

Лан Цзюнься отвесил поклон Ли Яньцю и Цай Яню, после чего сел в кресло у края павильона и, взяв кисть и тушь, начал писать. Цай Янь с легкостью придумал несколько обычных приветствий, и Лан Цзюнься записал их; тема вращалась вокруг событий, которые произошли за годы их учебы в Прославленном зале, и письмо началось с воспоминаний, а затем перешло к отношениям между их империями.

Из-за кустов рот Дуань Лина искривился в легкой улыбке, и он слушал. Он не мог видеть

выражение лица посланника, но уже знал, что Бату стало известно, что Цай Янь выдает себя за него. Он понятия не имел, как Бату удалось догадаться.

Вскоре посланник, передавая слова Бату, поднимал некоторые темы, связанные с их пребыванием в Прославленном зале. Он говорил о главе школы, а также о Хэлянь Бо, проверяя его между строк. К его удивлению, Цай Янь безупречно отвечал на все эти вопросы.

— Наш наследный принц также хотел узнать, встречался ли Ваше Высочество с Цзунчжэнем.

— Меня чуть не затащили в Шанцзин и не сделали его партнером по учебе, — улыбнулся Цай Янь, отвечая, а затем вздохнул. — Судьба выставляет нас дураками. Если бы я действительно уехал, возможно, отец был бы еще здесь, и все были бы живы.

Как только эти слова покинули его уста, в саду воцарилась тишина.

— Ваше Величество? — очень тихо произнесла Му Цзиньчжи.

— Жун-эр, — сказал Ли Яньцю, — не думай об этом все время. Сколько раз я уже говорил тебе об этом?

— Да, — только и мог сказать Цай Янь.

Дуань Лин, молча слушавший все это из-за кустов, вдруг почувствовал себя не в своей тарелке. Когда он поднял голову, его глаза встретились с глазами У Ду сквозь листву и обнаружили, что тот наблюдал за ним, а его взгляд был полон нежности.

— Его Высочество также хотел бы спросить, нравится ли он вам больше, чем Елюй Цзунчжэнь?

И теперь уже все чувствовали себя еще более неловко, всем казалось, что этот вопрос прозвучал в шутку. И вот Цай Янь сказал Ли Яньцю:

— Все монголы такие, прямее стрел.

— Похоже, Елюй Цзунчжэнь и Борджигин часто соперничали за твою привязанность, — шутил Ли Яньцю, — видимо, ты хорошо ладишь с другими.

Цай Янь тут же смиренно стал отрицать это и сказал посланнику:

— Естественно, я более близок с вашим наследным принцем.

Му Куанда помрачнел и кашлянул, но Цай Янь сделал вид, что не слышит, и продолжил

говорить посланнику:

— Мы действительно понятия не имеем, где находится меч вашего царства, но если нам удастся его найти, то для нас будет честью вернуть его. Улохоу Му, укажи это в письме.

Лан Цзюнься закончил писать письмо и отдал его Цай Яню. Тот взял у сопровождающего печать и поставил свой штамп в левом нижнем углу.

Посланник радостно произнес:

— Хоть это и не почерк Вашего Высочества, но по возвращении я смогу сказать, что моя миссия завершена.

— Есть ли еще что-нибудь, что Борджигин хотел бы мне сказать?

Посланник на мгновение умолк и посмотрел то в одну сторону, то в другую, словно хотел что-то сказать. В этот момент у Дуань Лина возникло ощущение, что у того были другие планы.

Но, к их удивлению, Ли Яньцю сказал:

— Сейчас холодно и дни короткие. Вам следует вернуться во дворец, пока еще не поздно. Приходите вечером, поговорим.

Цай Янь поспешно согласился, и Ли Яньцю встал, больше ничего не говоря; все поклонились, провожая его. Попрошавшись с Ли Яньцю и Му Цзиньчжи, Цай Янь не сел на свое место, а остался стоять, поглядывая на посланника. К нему подошел слуга — это вновь прибывший Фэн, который сказал посланнику:

— У вас есть еще что-нибудь сказать? Если нет, то Его Высочество тоже уйдет.

Уход Ли Яньцю, похоже, внес сумятицу в планы посланника, и Цай Янь сказал:

— Если есть что-то еще, пожалуйста, поговорите с канцлером Му. Передать ваше послание этим чиновникам равносильно тому, что передать его мне.

Посланник взглянул на убийц, стоящих дальше.

— Наш наследный принц хотел бы еще раз померяться силами с Вашим Высочеством.

— Что?

На лице Цай Яня отчетливо было видно нетерпение, и вдруг он заподозрил, что может попасться на какую-то уловку. Он окинул взглядом монгольских сопровождающих посланника, сомневаясь, не пришел ли Бату вместе с группой в замаскированном виде — ведь это не исключено.

Охваченный паранойей Цай Янь все еще оглядывал сопровождающих монгольского посланника с ног до головы.

— Он же не пришел, как же мы будем бороться? — сказал он, одновременно полностью готовясь к появлению Бату.

К счастью, посланник ответил с улыбкой:

— О? Это значит, что Ваше Высочество согласны на поединок?

О, Цай Янь, ты идиот, подумал Дуань Лин. Даже хотя Борджигин не пришел, он все равно продолжает так над тобой издеваться, что наводит на мысль, удача это или несчастье, что ты оказался в таком положении.

В голове Цай Яня царил полный хаос, он чувствовал, что все, что он скажет, может быть использовано против него. К счастью, Му Куанда с улыбкой вмешался:

— Если так, то почему бы нам не выбрать одного из представителей Его Высочества и вашего наследного принца и не устроить хороший поединок? Как только мы в полной мере насладимся, все сможем отправиться домой, и нам не придется стоять здесь на холоде целый день. Я старый человек, не то что вы, молодые люди, выросшие на севере.

Посланник произнес:

— Именно это мы и хотели сделать. Наш лучший воин Амга будет представлять нашего наследного принца. Но мне интересно, кто из бойцов будет сражаться за империю Чэнь?

Никто ничего не произнес. Вы, наверное, шутите — строить из себя шута и драться с неотесанным дураком? Это же просто унижение.

Дуань Лин думал, что посланник обязательно скажет «на всей огромной территории Чэнь нет никого, кто осмелился бы побороться с одним из наших воинов» или что-то в этом роде. Он знал, что именно такие слова выходят из головы Бату.

— Какой воин? — Цай Янь, находясь здесь, был раздражен и встревожен; ему хотелось, чтобы бой уже закончился и он мог уйти. Чем дольше это будет продолжаться, тем больше шансов, что они увидят ошибки в его действиях.

— Чан Люцзюнь, — сказал Му Куанда.

Чан Люцзюнь собирался ответить, но тут У Ду сделал шаг вперед.

— Тогда позвольте мне сразиться с вашим воином от имени Его Высочества.

Сердце Дуань Лина резко подскочило к горлу. Му Цин даже не знал, что ответить, его выражение лица кричало «почему он так хочет покрасоваться», когда он посмотрел на Дуань Лина. Но тот знал, что «Его Высочество» в устах У Ду относилось к нему, а не к Цай Яню. В глазах У Ду настоящий главный герой этого официального приема в честь празднования дня рождения стоял за кустами — это был Дуань Лин, который никак себя не проявил.

— У Ду еще не полностью оправился от ран, — вяло сказал Чжэн Янь. — Лучше я займу его место.

— Не стоит беспокоить вас двоих, — Лан Цзюнься кивнул Цай Яню.

— Как насчет... — Цай Янь перебирал в голове возможные варианты и сказал. — Травмы У Ду еще не до конца зажили, так почему бы и...

Но У Ду не обращал внимания на всех в саду и достал Легуанцзянь из ножен у пояса. Яркий металлический свист разнесся по округе, и внезапно все стихли.

Му Куанда с тревогой произнес:

— У Ду!

В ответ на провокацию У Ду выражение лица воина с другой стороны сразу же помрачнело.

У Ду подошел к павильону и обратился к посланнику:

— Хатан-Батор, не желаешь обменяться со мной парой приемов?

Рот Дуань Лина был слегка приоткрыт, он все еще не понимал, что происходит. Му Цин и Дуань Лин переглянулись и услышали, как посланник в павильоне сказал:

— У тебя зоркий глаз! Я тоже давно не дрался!

Когда-то этот посланник был последним учеником лучшего мечника Сиюй, Наянь То. Когда Ли Цзяньхун пронзил горло Наянь То и убил его, все секты меча Юйлина посчитали это величайшим унижением, с которым они когда-либо сталкивались. Но каким-то образом его

последний ученик перебрался в империю Юань, а теперь отправился в Южную Чэнь в качестве их посланника.

Все четверо убийц видели, что посланник разбирается в боевых искусствах, но Чан Люцзюнь работал на Му Куанду и не интересовался тем, что происходит в сектах боевых искусств, а Чжэн Янь большую часть жизни проводил на юге и мало общался с представителями Сиюй, поэтому единственным, кто не удивился, был Лан Цзюнься, родившийся среди сяньбэйцев. Но У Ду происходил из родового клана Зала Белого Тигра, и ему каким-то образом удалось выяснить личность посланника по простому на вид кулону из куньлуньского нефрита, висящему у него на поясе.

— Если позволите спросить, — сказал Хатан-Батор, — как вас зовут, господин?

— Я всего лишь безымянный солдат, который когда-то работал на покойного императора, — ответил У Ду.

— Как ты узнал, кто я?

— Не надо лишних слов. Разве ты не хочешь сразиться? Давай устроим этот бой, и мы все сможем пойти домой и поесть. Почему ты так много болтаешь?

Все снова засмеялись, а Цай Янь тихонько подумал про себя, как удачно, что У Ду оказался рядом и раскрыл личность посланника, иначе сегодня их так и оставили бы в неведении — с шерстью на глазах, совершенно не подозревающих о намерениях монголов.

Меч у Хатан-Батора уже отобрали, когда он вошел во дворец, так что теперь он был безоружен.

— Поскольку сегодня день рождения вашего наследного принца, мы не можем проливать кровь. Так почему бы нам не раздобыть себе деревянные мечи? В будущем у нас будет много шансов сразиться.

Цай Янь послал за деревянными мечами для них двоих, и среди зрителей снова воцарилась напряженная атмосфера. Поединок, который они видели до этого, был очень скучным, а теперь они будут наблюдать за дуэлью мастеров боевых искусств. У четырех великих убийц никогда не было рейтинга, и никто из них не признавал себя ниже другого. Редко когда У Ду становился инициатором сражения.

У Ду и Хатан-Батор взяли по деревянному мечу. Хатан-Батор смотрел на него пристальным взглядом.

— Мастерство вашего покойного императора в боевых искусствах всегда почиталось, но мне интересно, как многому из этого тебе удалось научиться.

— Стыдно признаться, — непринужденно ответил У Ду, выражение его лица было спокойным, и он ничуть не выглядел пристыженным, — я следовал за ним всего несколько дней, так что мне не удалось ничему научиться. Кстати говоря, каковы были последние слова мастера Наянь То?

Только после этих слов Дуань Лин понял, кто такой Хатан-Батор. Когда он собрался подойти ближе, чтобы получше рассмотреть его лицо, на его плечо опустилась рука и удержала на месте — это был Се Ю, который все это время стоял позади них двоих, прислушиваясь к разговору в саду. Он протянул руку, чтобы дать ему знак не выходить.

Деревянный меч в руке У Ду был безвольно устремлен в землю.

Хатан-Батор, напротив, держал меч перед собой в горизонтальном положении на груди, как щит. Все в округе затаили дыхание.

Внезапно, взяв меч в обе руки, У Ду развернулся вбок и сделал шаг вперед. Действие происходило медленно, но казалось, что за ним стояла неудержимая сила. Хатан-Батор ступил назад, и прежде, чем их оружие соприкоснулось, он уже подтянул меч к себе. У Ду сделал еще одно движение, которое вывело его за пределы поля зрения Дуань Лина.

— Чудесно! — ликовали собравшиеся.

Дуань Лин очень волновался, но ничего не видел; он напряг шею, пытаясь разглядеть, и Се Ю повернулся в сторону, оставляя место для Дуань Лина, чтобы тот мог пройти и встать перед ним. Так и получилось: стоя на том месте, которое освободил Се Ю, он увидел дуэлянтов.

Таких приемов Дуань Лин еще не видел! Мечи еще не успели скреститься, практически и не соприкасаясь, как Хатан-Батор сделал резкий шаг вперед и, повернувшись боком, начал вращаться, а У Ду крутанулся и сделал выпад назад.

Острия мечей скрестились, не касаясь друг друга, концы их халатов развевались в воздухе, а деревянные клинки превратились в тени самих себя, двигаясь все быстрее. У Ду и Хатан-Батор каким-то образом использовали один и тот же стиль боевых искусств. У Дуань Лина возникло смутное ощущение, что он уже где-то видел это. Однако это был не боевой навык, а что-то вроде... согдийского вихря?

При внимательном рассмотрении шага и траектории движения мечей казались похожими на согдийский вихрь, который танцевали Бату, Хэлянь Бо и их друзья*.

* Согдийский танец был чрезвычайно популярен в Китае во времена династии Тан. Согдийские купцы-танцоры, которые исполняли разные танцы, особенно прославились им и были очень известны в Китае. В согдийском танце молодая женщина кружилась внутри круга. Его исполняли как в китайском дворе, так и в самом Китае.

У Ду стоял, высокий и стройный, черный шелковый халат хорошо облегал его грудь и талию, и каждый выпад его меча был наполнен силой, а Хатан-Батор уверенно держался на ногах, и оба они двигались в согдийском вихре, атакуя и отступая, наполняя каждое движение ритмом.

Когда согдийский вихрь танцуют девушки, они кажутся дикими и необузданными, но, когда танцуют мужчины, они кажутся еще более мужественными, выражая другой вид красоты.

Еще через долю секунды они одновременно остановились, их деревянные мечи неизбежно и окончательно столкнулись, каждый из них издал громкий крик и разломился на четыре части, падая на землю.

Тишина была такой, что можно было услышать, как падает булавка. Спустя секунду Цай Янь изумленно зааплодировал, а все вокруг восклицали, какой замечательный был поединок.

У Ду, однако, смотрел прямо в глаза Хатан-Батору, а взгляд того был полон шока — он никак не ожидал, что У Ду будет противостоять ему, используя уникальные, секретные боевые искусства его собственной секты.

У Ду подождал, пока стихнут аплодисменты, и сказал:

— Я не смог превзойти тебя.

— И я тоже, — ответил Хатан-Батор с пепельным цветом лица.

У Ду кивнул и вновь поклонился Цай Яню. Затем он кивнул всем и отступил к шеренге убийц. Хатан-Батор долго смотрел на него, прежде чем вернуться на свое место.

Цай Янь улыбался и выглядел довольно собранным.

— Ну, значит, в этом году у нас ничья. Я с нетерпением жду встречи с Бату.

Они обменялись еще несколькими непринужденными любезностями, и Се Ю указал Дуань Лину и Му Цину подождать у галереи, чтобы те могли уйти.

Вскоре все собравшиеся в павильоне разошлись, и монгольский посланник покинул дворец. Тем временем Цай Янь вместе с Му Куандой и четырьмя убийцами по извилистой галерее отправился в Восточный дворец.

— Я никак не ожидал, что посланник окажется Хатан-Батором, — обратился Цай Янь к группе.

— Интересно, с какой целью Борджигин отправил своего лучшего бойца? У Ду, ты знаешь его?

— Мой учитель как-то рассказывал о клане Нянь То. Предшественник Чжэньшаньхэ раньше принадлежал к хунну, и после того, как основатель Зала Белого Тигра извлек четыре меча и переплавил их в один, у него возникла вражда с Сиюй, которую невозможно было остановить. В Зале Белого Тигра есть одна заповедь предков: мы должны быть начеку, чтобы не допустить возвращения старого врага во имя мести. Именно поэтому нас учили согдийскому стилю меча. Знай врага и знай себя; тысяча битв, тысяча побед*.

* «Знай врага и знай себя» — цитата из «Искусства войны» Сунь-Цзы.

Му Куанда весело произнес:

— В таком случае Хатан-Батор поверит, что мы досконально знаем его мастерство владения мечом, и не посмеет больше выкидывать фокусы в Цзянчжоу.

— Конечно, — просто объяснил Цай Яню У Ду. — У меня и раньше были подозрения, и я боюсь, что Хатан-Батор лично взялся за эту дипломатическую миссию именно потому, что они ищут меч царства хана Хубилая.

— Отец выхватил его из рук Угэдэя, — сказал Цай Янь, — я потерял его после падения Шанцзина, и теперь никто не знает, где он. Если нам удастся его вернуть, мы должны будем обменять его на Чжэньшаньхэ. Но мы не должны возвращать его Бату.

Му Куанда на мгновение задумался, прежде чем сказать:

— После смерти хана Хубилая меч попал в руки его третьего сына Угэдэя. И теперь, когда кланы борются за право наследования, отец Борджигина Бату Джучи, должно быть, тоже втянут в эту борьбу за трон. В такой момент тот, кто вернет меч хана Хубилая, обретет огромное влияние от его обладания. Вероятно, в этом и заключается цель поездки Хатан-Батора. Мы еще обсудим это, так почему бы нам не...

Цай Янь с радостью произнес:

— Сюда, пожалуйста, канцлер Му. Прошу всех сюда.

Цай Янь взмахнул рукой и вошел в Восточный дворец вместе с остальными чиновниками-учеными, а затем он обернулся, чтобы посмотреть на четырех убийц. Он обратился к У Ду:

— У Ду, почему бы тебе не остаться на ночь в Восточном дворце? Я бы хотел позже с тобой побеседовать.

Закончив говорить, он подозвал к себе Лан Цзюнься. Тот подставил ему свое ухо, Цай Янь прошептал несколько указаний, и Лан Цзюнься развернулся, чтобы уйти.

У Ду не дал Цай Яню ответа, но, сжав кулак в кулак, поклонился. Му Куанда, Цай Янь и остальные чиновники зашли в дворцовый зал, а остальные пока разошлись.

У Ду чувствовал себя крайне беспокойно. Уже близился вечер, и на ветру трепетали осколки снежинок. Вскоре из залов заседаний донесся приказ: У Ду отправился во внутренний зал, чтобы выпить чашку горячего чая и пока отдохнуть, а как только заседание закончится, за ним кого-нибудь пришлют.

За пределами императорских садов Дуань Лин все еще был погружен в раздумья: наверняка у Бату есть какой-то тайный замысел, в соответствии с которым он отправил такого мастера боевых искусств, как Хатан-Батор, в противном случае подошел бы и обычный посланник. Кроме того, Бату знает, что Цай Янь выдает себя за Дуань Лина. Он хранит эту информацию и планирует угрожать Цай Яню, или же надеется заключить с ним какую-то сделку?

Если Бату разоблачит его, в императорском дворе начнется хаос. Насколько рискованно использовать голос иностранца, чтобы раскрыть личность наследного принца Великой Чэнь? И поверит ли в это его дядя?

— Откуда ты? — голос Се Ю вернул Дуань Лина в настоящее. Мгновенно погружившись в прошлое, Дуань Лин почувствовал себя немного потерянным.

— Он мой партнер по учебе, — пояснил Му Цин. — Они с У Ду... он... во всяком случае, он из моего дома.

Се Ю внимательно осмотрел Дуань Лина и через несколько секунд кивнул.

— Генерал Се, — ответил Дуань Лин, — я из Сюньбэя.

— Помнится, когда канцлер отправил У Ду в Тунгуань, он также взял с собой молодого человека... — задумчиво произнес Се Ю.

— Да, — улыбнулся Дуань Лин. — Это был я.

— Ну... — Се Ю внимательно изучал Дуань Лина, и казалось, что он хотел сказать что-то еще, но ступня Му Цина начала побаливать, и он перенес свой вес на другую ногу.

— Твой отец отправился на совещание. Поскольку вы уже во дворце, вы двое пойдете со мной, — сказал Се Ю Му Цину.

Дуань Лин окинул взглядом окрестности и случайно заметил У Ду, который шел к ним по галерее, сильно нахмурившись, и искал Дуань Лина. Как только они увидели друг друга, У Ду недовольно произнес:

— Разве я не говорил тебе оставаться дома и учиться? Почему ты так безрассудно пришел сюда?

Дуань Лин инстинктивно попытался спрятаться, но У Ду взял его за руку и притянул к себе. Он начал читать нотации:

— Думаешь, здесь можно находиться?!

Му Цин остолбенел. Когда он привел Дуань Лина во дворец, то сделал это только потому, что думал, что это будет весело. А теперь он столкнулся с целой кучей народа, так что, возможно, когда он вернется, его тоже ждет нравоучение.

Дуань Лин прекрасно понимал, что делает У Ду; для него это хороший шанс уйти от Се Ю, поэтому он послушно стоял на месте, не говоря ни слова.

— Твой? — Се Ю посмотрел на У Ду.

— Мой, — холодно ответил У Ду.

— Тогда иди и забирай его. Я отведу Му Цина к императрице.

У Ду сказал Дуань Лину, нахмутив брови:

— Иди уже!

Дуань Лин немедленно сделал то, что сказали, поклонился Се Ю, и У Ду увел его оттуда. Только после этого Дуань Лин облегченно вздохнул.

<http://bllate.org/book/15657/1400655>